ЩЕГОЛЕВ

ПЕРВЫЙ ДЕКАБРИСТ
ВЛАДИМИР РАЕВСКИЙ

А 264/440

А 267
440

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
Ф31-9935

Библіотека
„Общественной Пользы"
№ 4.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 мая 1905 г.

Моя Книга
А. Д. Карпова

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду возстановить память о замѣчательномъ въ свое время человѣкѣ—о маіорѣ Владимірѣ Ѳедосѣевичѣ Раевскомъ. Онъ забытъ такъ основательно, что съ его именемъ у современнаго читателя, вѣроятно, не связывается никакихъ представленій. Даже спеціалисты упоминаютъ о немъ вскользь. Между тѣмъ Раевскій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые имѣли бы нѣкоторое право на память потомства, а біографія его имѣетъ значеніе какъ для исторіи нашихъ общественныхъ теченій 1818—1822 гг., такъ и для исторіи нашей литературы. По складу своего характера, Раевскій является однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей конца Александровской эпохи. Будучи членомъ «Союза благоденствія», а потомъ «Южнаго тайнаго общества», онъ былъ арестованъ задолго до конечнаго взрыва движенія, еще въ 1822 году, и его процессъ даетъ нѣкоторыя любопытныя подробности для исторіи этого движенія. Изслѣдователь русской литературы со вниманіемъ остановится также на его отношеніяхъ къ Пушкину, завязавшихся во время кишиневской ссылки поэта, и отмѣтитъ вліяніе политическаго агитатора и заговорщика на поэта-художника. Наконецъ, Раевскій самъ былъ поэтомъ; правда, его стихи не печатались при его жизни и не ока-

зали вліянія на развитіе русской поэзіи, но они заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, какъ безыскусственное и искреннее свидѣтельство о настроеніи, которое охватывало тогда не одного Раевскаго, но и другихъ его современниковъ [1]).

Надъ его головой пронесся бурный, губительный вихрь, разбившій всѣ надежды; человѣкъ оказался внѣ жизни... Заброшенный въ Сибирь, спустя много лѣтъ, онъ съ горечью въ сердцѣ писалъ:

„Гдѣ мой кумиръ и гдѣ моя
Обѣтованная земля?
Гдѣ трудъ тяжелый и безплодный?
Онъ для людей давно пропалъ,
Его никто не записалъ,
И человѣкъ къ груди холодной
Тебя, какъ друга, не прижалъ!..“

---

[1]) Свѣдѣнія о Раевскомъ крайне отрывочны и разбросаны по историческимъ журналамъ. Главнѣйшій матеріалъ для его жизни и дѣятельности — въ письмахъ Раевскаго къ его сестрѣ Вѣрѣ Ѳедосѣевнѣ („Русская Старина“, 1902, мартъ; 1903, апр.); въ его замѣткахъ по поводу приговора по его дѣлу („Русская Старина“, 1873, т. VII, стр. 376 и слѣд.) и въ воспоминаніяхъ И. И. Липранди („Русскій Архивъ“, 1866 г.). Кромѣ этихъ указаній, приводимъ всѣ, какія намъ пришлось найти, упоминанія о Раевскомъ, хотя бы самыя незначительныя: „Русская Старина“, 1873 г., т. VII, стр. 720; 1882 г., т. XXXVI, стр. 102; 1881 г., т. 30, стр. 873; 1887 г., т. 56, стр. 132; „Вѣстникъ Европы“, 1874 г., іюнь; С. В. Максимовъ, „Сибирь и каторга“, т. III, Спб., 1871 г., стр. 251, 263; Записки Басаргина, „Девятнадцатый вѣкъ“, изд. П. Н. Бартенева, М., 1872 г., кн. I, стр. 74, 100; Бѣлоголовый, Н. А. „Воспоминанія“ и др. статьи. М., 1897 г., стр. 57; Записки С. Г. Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 318, 405, 409, 477; Записки И. Д. Якушкина, стр. 51, 62; Сборникъ старинныхъ бумагъ И. И. Щукина, М.,

I.

Объ отцѣ Раевскаго, маіорѣ Ѳедосѣѣ Михайловичѣ, мы знаемъ, что онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ курской губерніи. Вотчины Раевскихъ находились главнымъ образомъ въ старооскольскомъ уѣздѣ (с. Хворостянка). Старооскольскіе дворяне не разъ выбирали маіора Ѳедосѣя Раевскаго своимъ предводителемъ. Маіоръ, человѣкъ крутого нрава, былъ не чуждъ литературѣ: намъ извѣстна одна его замѣтка въ «Отечественныхъ Запискахъ» [1]). Жена Раевскаго происходила изъ рода князей Фениныхъ. У Раевскихъ была очень большая семья. Мы знаемъ имена пяти дочерей и пяти сыновей: Надежда [2]), Наталья, Александра,

---

ч. VIII, стр. 244; Воспоминанія Вельтмана и Пущина въ книгѣ Л. Н. Майкова „Пушкинъ“, Спб., 1899 г., стр. 81, 86, 125. Кое-какія изъ этихъ свѣдѣній повторяются въ книгахъ А. Н. Пыпина (Общ. движеніе при имп. Александрѣ I), Богдановича (Ист. царств. имп. Александра I, т. VI) и біографіяхъ Пушкина. См. также статью „Изъ Пушкинской эпохи“ въ книгѣ В. А. Мякотина: „Изъ исторіи нашего общества“, Спб., 1902 г. Стихи Раевскаго напечатаны въ „Русской Старинѣ“, 1890 г., т. 66, стр. 365 и слѣд. Сравн. также нашу замѣтку о Раевскомъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, томъ 51.

[1]) „Благодѣтельный помѣщикъ“. Письмо въ редакцію изъ Хворостянки отъ Ѳедосѣя Раевскаго. „От. Зап.“, 1822 г., ч. 12, стр. 108—111.

[2]) Была замужемъ за Н. Н. Бердяевымъ, очень богатая, въ свое время блистала въ петербургскомъ свѣтѣ, но пережила тяжелую и печальную старость. Совершенно разорившись, она жила въ имѣніи своей сестры Вѣры, а послѣ ея смерти доживала свои дни въ пріютѣ для престарѣлыхъ дворянъ въ Курскѣ, и умерла, около ста лѣтъ отъ роду, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Вѣра [1]), Любовь [2]), Александръ, Андрей [3]), Владиміръ, Петръ [4]) и Григорій. Изъ всей этой многочисленной семьи право на нашу память заслуживаетъ только Владиміръ Ѳедосѣевичъ, да еще младшій братъ Григорій по своей безпримѣрно-несчастной судьбѣ.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ родился 28 марта 1795 года. У насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ о его дѣтствѣ; мы можемъ только догадываться, что оно не было счастливо. Семейныя отношенія Раевскаго складывались неудачно и невесело. Отецъ и мать относились къ нему иначе, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ, и не скрывали разницы отношеній. Когда другія учились вмѣстѣ въ пансіонѣ, мать присылала имъ денегъ на конфекты, и Владиміру всегда меньше, чѣмъ другимъ сыновьямъ. Объ отцѣ самъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ, уже будучи старикомъ, писалъ: «любилъ ли меня отецъ наравнѣ съ братьями Александромъ и Андреемъ,—я не хотѣлъ знать, но онъ вѣрилъ мнѣ болѣе другихъ братьевъ, надѣялся на меня одного,—я это зналъ. Онъ хорошо понималъ меня и въ письмахъ своихъ, вмѣсто эпиграфа, начиналъ: «не будь гордъ,—гордымъ Богъ противенъ»; въ моихъ отвѣтахъ я начиналъ: «смиреніе паче гордости» [5]). По тому, какъ относились братья и сестры

---

[1]) Жена Іоасафа Александровича Попова, новооскольскаго предводителя дворянства.

[2]) По мужу Веригина.

[3]) Служилъ въ лейбъ-уланахъ и былъ главнымъ дѣятелемъ по изданію военнаго журнала при г.-ад. Спиягинѣ. См. „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1430.

[4]) Объ этомъ Петрѣ внукъ Влад. Ѳед. Раевскаго сообщаетъ, что онъ былъ извѣстенъ своими безшабашными выходками и скандалами. См. „Русскую Старину“, 1902, мартъ.

[5]) „Русская Старина“, 1902, мартъ.

къ Владиміру Ѳедосѣевичу, когда онъ былъ въ ссылкѣ въ Сибири, можно думать, что и въ дѣтствѣ нѣкоторые его братья и сестры были непріязненно настроены по отношенію къ нему. По неяснымъ намекамъ, по обращенію отца, можно думать, что и въ дѣтствѣ Владиміръ Ѳедосѣевичъ обнаруживалъ необычайное упорство и силу воли, которыя отмѣчаютъ всю его жизнь. Гордый и одинокій, онъ рѣдко открывалъ свою душу и жилъ невѣдомой для посторонняго глаза сложной жизнью.

Раевскіе заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Мы знаемъ, что дочери ихъ Наталья и Александра воспитывались въ смольномъ институтѣ, а сыновья, Александръ, Андрей и Владиміръ, учились въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. О годахъ своего ученія Владиміръ Ѳедосѣевичъ вспоминаетъ въ слѣдующихъ стихахъ своего посланія къ дочери:

„А я въ твои младые годы
Людей и свѣта не видалъ...
Я много лѣтъ не зналъ свободы,
Однихъ товарищей я зналъ
Въ моемъ учебномъ заключеньи,
Гдѣ время шло, какъ день одинъ,
Безъ жизни, красокъ и картинъ,
Въ желаньяхъ, скукѣ и ученьи.
Тамъ въ книгахъ я людей и свѣтъ
Узналъ“...

Въ эти годы Раевскій положилъ начало тѣмъ солиднымъ познаніямъ, которыя выдѣляли его изъ среды сослуживцевъ; быть можетъ, въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ зародилась въ немъ любовь къ литературѣ [1]). Должно быть, прямо со школьной скамьи

[1]) Братъ его, Андрей Ѳедосѣевичъ, въ юные годы тоже занимался литературой. Въ „Вѣстникѣ“ 1809 года есть его стихи. Отзывъ объ Андреѣ Ѳедосѣевичѣ см. въ „Запискахъ“ Никитенка.

онъ перешелъ въ военную службу: «17-ти лѣтъ,—говоритъ онъ самъ о себѣ,—я встрѣтилъ безпощадную, кровавую войну». Это былъ 1812-ый годъ—война, роковая въ извѣстномъ смыслѣ для иностранцевъ, принимавшихъ въ ней участіе, и для нашихъ, уцѣлѣвшихъ—для событій 14-го декабря. Раевскій такъ описываетъ свое роковое вступленіе въ жизнь:

„Среди моленій и проклятій,
Средь скопища пирующихъ рабовъ,
Подъ гулами убійственныхъ громовъ
И стонами въ крови лежащихъ братій
Я встрѣтилъ жизнь, взошла заря моя"...

Раевскій служилъ сначала въ артиллеріи; за Бородино онъ получилъ золотую шпагу съ надписью: «за храбрость»; съ русскими войсками былъ за-границей. Онъ довольно быстро подвигался по службѣ. Вступивъ въ военную службу позже своихъ братьевъ, онъ обогналъ ихъ; въ одиннадцати сраженіяхъ онъ получилъ два чина за отличіе, и 25-ти лѣтъ, за два года до катастрофы, уже былъ маіоромъ 32-го егерскаго пѣхотнаго полка и имѣлъ два военныхъ ордена. Исторія внѣшней жизни Раевскаго не сложна и, кажется, исчерпывается данными о его успѣхѣ по службѣ. Эта жизнь не имѣла цѣны въ его глазахъ, она была только видимой. «Внутренняя, настоящая моя жизнь разъяснялась для посторонняго наблюдателя только моимъ крѣпостнымъ заключеніемъ»,—говоритъ о себѣ Раевскій. За повседневной, будничной жизнью офицера, состоящей въ отправленіи служебныхъ обязанностей, скрывалась таинственная дѣятельность члена тайнаго общества; за мнимой надменностью и гордостью одиночества таилось глубоко-идеалистическое настроеніе, проникавшее

всѣ помышленія и чувства. Жизнь въ мысляхъ Раевскаго представлялась странствіемъ къ высокой цѣли и—

„Странника вездѣ одушевлялъ
Высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень“ [1]).

Откуда эти идеалистическія настроенія? Самъ Раевскій, будучи уже въ Сибири, искалъ источниковъ своего юношескаго идеализма въ религіозныхъ представленіяхъ:

„Когда я былъ младенцемъ въ колыбели—
Кто жизни планъ моей чертилъ,
Тотъ волю, мысль, призывъ къ высокой цѣли
У юноши надменнаго развилъ“ [2]).

Здѣсь мы подходимъ къ любопытной психологической чертѣ людей Александровской эпохи, отличавшихся высокимъ идеализмомъ. Были эпохи, когда война рождала мечты о славѣ и являлась источникомъ идеализма, но Раевскій въ своихъ стихахъ весьма опредѣленно говоритъ о томъ, какое событіе его жизни зажгло въ немъ «высокихъ думъ, страстей завѣтныхъ пламень»:

„Когда, людей еще облитый кровью,
Я сладко спалъ подъ буркой у огня,—
Тогда я не горѣлъ къ высокому любовью,
Высокихъ тайнъ постигнуть не алкалъ,
Не жалъ руки гонимому украдкой,
И шопотомъ надежды сладкой
Жильцу темницы не вливалъ“ [3]).

Не во время войны случилось духовное преобразованіе Раевскаго, а послѣ, по возвращеніи въ Россію

---

[1]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 378.
[2]) Ibidem, стр. 374.
[3]) Ibidem, стр. 378, 379.

по вступленіи въ тайное общество. Намъ трудно теперь представить, какое значеніе и какой ореолъ имѣла дѣятельность по тайному обществу въ глазахъ самихъ его членовъ: вступая въ общество, думали, что найдена цѣль жизни,—и жизнь получала какъ бы освященіе. «У многихъ изъ молодежи,—вспоминаетъ П. Д. Якушкинъ,—было столько избытка жизни при тогдашней ея пичтожной обстановкѣ, что увидѣть предъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ» [1]). Другъ Пушкина, Пв. Ив. Пущинъ, въ слѣдующихъ трогательныхъ строкахъ говоритъ о своемъ вступленіи въ общество: «эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдать за собою, какъ за частицей хотя ничего не значащею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное свое дѣйствіе» [2]). Къ этимъ свидѣтельствамъ присоединимъ еще слова самого Раевскаго о своемъ вступленіи въ общество:

„Но для слѣпца свѣтъ свыше просіялъ...
И все, что мнѣ казалося загадкой,
Упрекъ людей болѣзненный скалалъ...
И Богъ простить мнѣ прежнія ошибки.
Не для себя я въ этомъ мірѣ жилъ,
И людямъ жизнь я щедро раздарилъ“ [3])...

Приведенныя нами свидѣтельства участниковъ дви-

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 15.
[2]) Л. Н. Майковъ. „Пушкинъ“. Спб., 1902, стр. 69.
[3]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 379.

женія ярко закрѣпляютъ въ нашей памяти идеалистическій моментъ въ ихъ дѣятельности. Ихъ жизнь, полная трагизма, совершалась во имя самыхъ отвлеченныхъ истинъ. Они думали работать для блага людей, а это благо они понимали абстрактно, какъ наивысшую цѣнность,—работали для Бога. Въ своей «Предсмертной думѣ» (1842 годъ) Раевскій припоминаетъ свою жизнь, и у него вырываются сильныя и вдохновенныя строфы:

„Меня жалѣть?.. О, люди, ваше-ль дѣло?
Не вами мнѣ назначено страдать!
Моя болѣзнь, разрушенное тѣло—
Есть жизни слѣдъ, душевныхъ силъ печать!
. . . . . .
. . . . . .
И жизнь страстей прошла, какъ метеоръ,
Мой конченъ путь, конецъ борьбы съ судьбою;
Я выдержалъ съ людьми опасный споръ
И падаю предъ силой неземною!

Къ чему же мнѣ безплодный толкъ людей?
Предъ нимъ отчетъ мой конченъ безъ ошибки;
Я жду не слезъ, не скорби отъ друзей,
Но одобрительной улыбки!“ [1]).

Вспоминая въ 1846 году о поворотномъ моментѣ своей жизни, опредѣлившемъ все ея теченіе и составившемъ ея трагедію, Раевскій писалъ въ посланіи къ своей дочери:

...„Съ волею мятежной,
Какъ видитъ бой вдали, атлетъ,
Въ себѣ самомъ самонадежный
Пустилъ чрезъ океанъ безбрежный
Челнокъ мой къ цѣли роковой.
О, другъ мой, съ бурей и грозой

[1]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 374.

И съ разъяренными волнами
Отецъ боролся долго твой...
Онъ видѣлъ берегъ въ отдаленьи,
Тамъ свѣтъ зари ему блисталъ;
Онъ взоромъ пристани искалъ
И смѣло вѣрилъ въ Провидѣнье“ [1]).

Нельзя яснѣе выразить того настроенія, которое одушевляло Раевскаго въ теченіе всей жизни, того идеалистическаго порыва, необыкновенно сильнаго, мощнаго, который охватилъ его и держалъ въ своей власти отъ момента вступленія въ общество до момента катастрофы.

Внѣшніе мотивы присоединенія Раевскаго къ тайному обществу —тѣ же, что были и у декабристовъ, и одинаково излагаются во всѣхъ извѣстныхъ намъ запискахъ того времени. Вспоминая объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ къ жизни тайное общество, Раевскій на первомъ мѣстѣ отмѣчаетъ, конечно, вліяніе заграничныхъ походовъ, изъ которыхъ онъ, какъ и всѣ декабристы, «возвратились на родину уже съ другими, новыми понятіями» [2]); заграничная жизнь открывала передъ изумленными глазами новые, огромные горизонты и всю глубину нашихъ внутреннихъ неустройствъ: гнетъ крѣпостного права, приниженіе личности, жестокость нравовъ, соединенную съ невѣжествомъ. Наряду съ этими первостепенной важности основаніями для возникновенія тайнаго общества, Раевскій рѣзче, чѣмъ всѣ другіе мемуаристы, подчеркиваетъ специфическія, частныя обстоятельства, которыя способствовали возбужденію оппозиціоннаго настроенія и придали всему

---

[1]) Ibidem, стр. 376.

[2]) „Русская Старина“, 1902, мартъ, стр. 601.

движенію декабристовъ особую, милитаристскую окраску. «Армія, избалованная побѣдами и славою, вмѣсто обѣщанныхъ наградъ и льготъ, подчинилась неслыханному угнетенію. Военныя поселенія, начальники такіе, какъ Ротъ, Желтухинъ и десятки другихъ,—забивали солдатъ подъ палками; боевыхъ офицеровъ вытѣснялн со службы, новые наборы... производили глухой ропотъ... Власть Аракчеева, ссылка Сперанскаго, неуваженіе знаменитыхъ генераловъ и такихъ сановниковъ, какъ Мордвиновъ и Трощинскій, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновленія, улучшеній, благодѣтствія, исцѣленія тяжелыхъ ранъ своего отечества» [1]).

II.

Въ какомъ году и кѣмъ былъ принятъ Раевскій въ члены тайнаго общества, мы не знаемъ. Можно думать, что еще за-границей завязались связи, которыя выросли потомъ въ тайный союзъ, и что Раевскій былъ однимъ изъ первыхъ, примкнувшихъ къ обществу. Достовѣрно извѣстно, что Владиміръ Оедосѣевичъ былъ ревностнымъ членомъ «Союза благодѣтствія», основаннаго въ 1818 году и прекратившаго свою дѣятельность въ 1821 году. Дѣятельность Раевскаго была прервана его арестомъ въ февралѣ 1822 года. Слѣдовательно, въ моментъ катастрофы онъ былъ членомъ южнаго тайнаго общества, начавшаго самостоятельное, независимое отъ сѣвернаго, существованіе въ 1821 году. Правда, въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ уже въ Сибири въ 1844 году, Раевскій, указывая на то, что слѣдствіе не открыло его принадлежности къ декабри-

[1]) Ibid., 601.

стамъ, говоритъ, что онъ и не могъ принадлежать къ нимъ, потому что то общество, конечнымъ эффектомъ котораго было 14-е декабря, основалось лишь въ 1823 году. Это утвержденіе, какъ увидимъ дальше, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Нетрудно объяснить, почему не соотвѣтствуетъ: оно написано по поводу оффиціальной бумаги, имѣетъ въ виду указать несоразмѣрность понесеннаго Раевскимъ наказанія съ матеріаломъ уликъ, и является данью таинственности. Въ интимномъ письмѣ къ сестрѣ Раевскій прямо заявляетъ: «Тайна (ареста и заключенія, длившагося годами) оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади». Очевидно, самъ Раевскій понималъ цѣли и значеніе своей дѣятельности, и зналъ, къ чему она должна была привести. Для того, чтобы выяснить роль Раевскаго въ тайномъ обществѣ, сущность и значеніе его процесса въ исторіи тайнаго общества, необходимы предварительныя свѣдѣнія изъ этой исторіи. Мы даемъ ихъ здѣсь, ограничиваясь самыми общими и неподлежащими сомнѣнію данными.

Извѣстно, что первые тайные кружки и союзы съ политическимъ направленіемъ возникали тотчасъ же по возвращеніи нашихъ войскъ изъ заграничнаго похода въ 1815 году. Мы знаемъ о существованіи «Союза спасенія», «Военнаго общества» и другихъ кружковъ. Учредители ихъ берутъ за образецъ извѣстные въ Россіи массонскіе союзы и заграничныя тайныя общества. На первыхъ порахъ интересуются формой больше, чѣмъ содержаніемъ; вполнѣ въ духѣ времени отводятъ много мѣста обрядности и таинственному элементу. Съ годами, общества становятся серьезнѣе, объединяются;

появляется крупная организація «Союза благоденствія» съ двумя думами—петербургской и тульчинской: ея мѣсто занимаютъ два самостоятельно дѣйствующихъ общества—сѣверное и южное. Внутренняя исторія обществъ характеризуется тѣмъ, что постепенно разъясняются способы дѣйствія и опредѣляются задачи. На одномъ концѣ стоитъ мирная культурная работа, на другомъ—крайній политическій радикализмъ. Но наши свѣдѣнія объ устройствѣ, способахъ дѣйствія и идейной стороны обществъ крайне скудны. На основаніи данныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, мы не можемъ составить точнаго и яснаго представленія не только объ обществахъ, существовавшихъ до «Союза благоденствія», но и о самомъ «Союзѣ», самомъ крупномъ изъ всѣхъ. Источники нашихъ свѣдѣній оффиціальныя данныя и записки участниковъ движенія. Первыя сгруппированы въ извѣстномъ «Донесеніи слѣдственной комиссіи» для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Это донесеніе преслѣдовало опредѣленную цѣль и, должно сказать, занималось гораздо больше выслѣживаніемъ преступныхъ словъ, когда либо произнесенныхъ обвиняемыми, чѣмъ выясненіемъ реальной дѣятельности декабристовъ, условій ихъ работы, средствъ, къ которымъ они прибѣгали. А авторы мемуаровъ почти все свое вниманіе сосредоточиваютъ на подробностяхъ 14-го декабря или на событіяхъ, вызванныхъ этимъ днемъ, и совсѣмъ не останавливаются на томъ, что дѣйствительно интересно для насъ,—на исторіи своей повседневной дѣятельности и не касаются теоріи и практики пропаганды. Нельзя забывать слѣдующей особенности сообщеній декабристовъ: ихъ воспоминанія въ значительной мѣрѣ создавались

подъ вліяніемъ круга данныхъ, обращавшихся во время слѣдствія: усвоенные ими пріемы сохраненія тайны въ періодъ дѣятельности сохраняли свое значеніе въ извѣстной степени и послѣ оффиціальнаго разслѣдованія дѣла. Затѣмъ нужно принять во вниманіе, что какъ во всѣхъ тайныхъ обществахъ, такъ и въ организаціяхъ декабристовъ лишь очень немногіе члены, самые вліятельные, стоявшіе во главѣ дѣла, понимали и знали всѣ цѣли и всѣ дѣйствія организаціи, а были и такіе, которые, заявивъ свое сочувствіе идейной сторонѣ движенія, исполняли порученія старшихъ членовъ и были, такъ сказать, на посылкахъ. Огромное большинство членовъ знало только свою спеціальность и имѣло сношенія не со всѣми, а съ опредѣленными лицами. Тѣ члены общества, которые дѣйствительно могли бы въ деталяхъ разъяснить исторію движенія, мемуаровъ не оставили: записки исходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ членовъ, игравшихъ второстепенную роль и сравнительно мало освѣдомленныхъ. Кстати отмѣтить здѣсь значеніе конспираціи въ декабристскомъ движеніи: декабристы были гораздо таинственнѣе, чѣмъ это принято думать. Самое важное доказательство тому продолжительность существованія общества и крайняя скудость фактическихъ данныхъ по исторіи движенія въ оффиціальномъ изслѣдованіи. Въ сторонѣ долженъ быть поставленъ источникъ, игравшій видную роль въ созданіи обычнаго представленія, пытающагося, въ противовѣсъ сужденіямъ «Донесенія», уменьшить значеніе движенія, выставить на видъ его несерьезность и стереть черезчуръ рѣзкіе штрихи «Доклада комиссіи». Мы говоримъ о свидѣтельствѣ Ник. Ив. Тургенева въ его извѣстной французской книгѣ о Россіи. Опубликованныя въ самое

послѣднее время (1901 и 1902 гг.) данныя позволяютъ утверждать, что Тургеневъ въ своемъ разсказѣ объ обществѣ допускалъ сознательное отклоненіе отъ истины, и заставляютъ насъ отнестись съ весьма большимъ недовѣріемъ къ тѣмъ страницамъ его книги, которыя посвящены декабристамъ и легли въ основу сужденій о нихъ, обращающихся въ большой публикѣ [1]).

* *

«Союзъ благодѣнствія», членомъ котораго былъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, въ свое время былъ извѣстенъ подъ названіемъ общества «Зеленой книги», по цвѣту обертки устава этой организаціи. Онъ былъ учрежденъ въ 1818 году: вѣрнѣе, въ этомъ году было реформировано ранѣе существовавшее тайное общество, которое получило теперь новый уставъ и названіе «Союза». Уставъ «Союза благодѣнствія» заключалъ въ себѣ двѣ части. Въ первой части авторы устава предлагаютъ вступающимъ въ «Союзъ» заниматься различ-

[1]) Н. И. Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ важныхъ членовъ тайнаго общества. Изданныя въ 1901 году записки С. Г. Волконскаго еще разъ авторитетно подтверждаютъ важную роль Тургенева въ обществѣ. Въ 1901 и 1902 году въ „Русской Старинѣ" были напечатаны его оправдательныя записки по дѣлу и переписка его съ братьями. Когда начался судъ надъ декабристами, Тургеневъ былъ за-границей и заочно былъ присужденъ къ смерти. Разсчитывая на таинственность своихъ дѣйствій, онъ усиленно хлопоталъ черезъ братьевъ и Жуковскаго передъ ними. Николаемъ I о смягченіи его участи и позволеніи вернуться въ Россію для оправданія. И братьевъ, и царя, онъ увѣрялъ въ ничтожности дѣйствій тайнаго общества, и въ томъ, что его роль въ немъ сводилась къ нулю. Понятно, онъ не могъ быть безпристрастнымъ историкомъ общества.

ными отраслями культурной работы. Первый параграфъ первой книги устава о цѣли «Союза благоденствія» заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Убѣдясь, что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной, и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства едва ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, «Союзъ благоденствія» въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена». Уставъ «Союза» намѣчалъ четыре спеціальности: каждый изъ членовъ долженъ былъ трудиться на одномъ изъ слѣдующихъ поприщъ: человѣколюбіе, т. е. дѣла частной и общей благотворительности; заботы объ умственномъ и нравственномъ образованіи, т. е. распространеніе истинныхъ познаній: содѣйствіе правильному и справедливому отправленію судопроизводства, и теоретическія занятія политической экономіей. До насъ дошла только первая часть, предназначенная для прозелитовъ. Учредители, конечно, знали, что дѣйствія общества не могутъ ограничиться только содѣйствіемъ культурной работѣ правительства. «Настоящая же цѣль «Союза благоденствія»,—по собственному сознанію его членовъ, заключалась въ томъ, чтобы ввести въ Россіи представительное правленіе, причемъ они надѣялись на содѣйствіе своимъ видамъ государя» [1]. И. Д. Якушкинъ такъ говоритъ объ этомъ

[1]) Богдановичъ. Ист. царств. имп. Александра I, т. VI, стр. 420.

уставѣ: «Въ самомъ началѣ изложенія его было сказано, что члены тайнаго общества соединились съ цѣлью противодѣйствовать злонамѣреннымъ людямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовать благимъ намѣреніямъ правительства. Въ этихъ словахъ была уже наполовину ложь, потому что никто изъ насъ не вѣрилъ въ благія намѣренія правительства» [1]).

Во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ вожди «Союза благоденствія», которымъ были извѣстны отдаленныя цѣли «Союза», заботились главнымъ образомъ о распространеніи оппозиціонныхъ идей въ русскомъ обществѣ, созданіи общественнаго мнѣнія, расположеннаго въ пользу этихъ идей, и приготовленіи преданныхъ членовъ общества. Они достигли своей цѣли: число членовъ «Союза» быстро увеличивалось и сказывались слѣды дѣятельной пропаганды. Какъ вербовались члены тайнаго общества и что открывалось имъ при посвященіи, приведемъ для того разговоръ, бывшій лѣтомъ 1822 года у члена южнаго общества, князя Барятинскаго, съ Фалеибергомъ, тогда еще не знавшимъ объ обществѣ. Барятинскій открылъ ему его существованіе.

«— Какая же цѣль этого общества?—спросилъ Фалейбергъ.

«— Избавить отечество отъ порабощенія,—отвѣчалъ Барятинскій, —и ввести правленіе конституціонное.

«— Но Россія далеко еще не готова къ принятію такого правленія, замѣтилъ Фалейбергъ.

«— Правда,—сказалъ Барятинскій, - и потому-то въ планѣ общества принято правиломъ прежде всего распространять просвѣщеніе и свободомысліе: а между

---

[1]) Записки П. Д. Якушкина, стр. 23, 24.

тѣмъ, отыскивая повсюду людей съ благороднымъ духомъ и независимымъ характеромъ, безпрестанно имъ усиливаться: когда же общество будетъ такъ сильно, что голосъ его не можетъ быть не уваженъ, потребовать отъ государя настоятельно конституціи такой же, какъ въ Англіи» [1]).

1818—1819 годы были временемъ наивысшаго развитія дѣятельности «Союза»; 1820-й—былъ годомъ перелома въ его дѣятельности. Событія не оправдывали надеждъ будущихъ декабристовъ на то, что дѣло измѣненія существующаго строя произойдетъ само собой; наиболѣе энергичные и нетерпѣливые члены требовали перехода къ болѣе рѣшительной дѣятельности. Начались разговоры о различныхъ формахъ возможнаго будущаго и о вѣрнѣйшихъ средствахъ къ его достиженію. Крайніе взгляды нашли себѣ представителей въ южномъ отдѣлѣ «Союза» тульчинской думѣ. Здѣсь была тоже правая, представленная Бурцевымъ, Комаровымъ, вскорѣ прекратившими свою тайную дѣятельность, и лѣвая, имѣвшая своимъ руководителемъ талантливаго агитатора П. И. Пестеля.

Въ 1821 году, въ февралѣ, депутаты петербургской и тульчинской думы собрались въ Москвѣ на съѣздъ, чтобы обсудить вопросъ о будущемъ тайнаго общества. Рѣшено было объявить о закрытіи «Союза благоденствія» и, удаливъ такимъ образомъ всѣхъ непадежныхъ и умѣренныхъ членовъ общества, приступить къ коренной реформѣ «Союза». Этотъ съѣздъ приступилъ къ выработкѣ устава, который долженъ былъ дѣлиться на

---

[1]) Neue Materialen, veröffentlicht v. Th. Schiemann. 1902, стр. 367, 365.

двѣ части: въ первой части, по-прежнему, вступающимъ въ «Союзъ» предлагалось избрать родъ дѣятельности по прежнимъ отдѣламъ. Члены высшаго разряда знали и дѣйствовали по второй части устава; эту часть написалъ Н. И. Тургеневъ. «Въ ней уже прямо было сказано, что цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ Россіи, а чтобы пріобрѣсти для этого средства,—признавалось необходимымъ дѣйствовать на войска и приготовить ихъ на всякій случай» [1]). Депутатъ тульчинской думы Бурцевъ, представитель умѣренныхъ на югѣ Россіи, долженъ былъ заявить о прекращеніи дѣйствій «Союза» всѣмъ членамъ, а затѣмъ избраннымъ (изъ этихъ избранныхъ исключалась непріятная Бурцеву партія Пестеля и его приверженцевъ) предложить принять участіе въ реформированномъ обществѣ съ новымъ уставомъ. Послѣ съѣзда произошло слѣдующее. Петербургская дума, подъ руководствомъ Никиты Муравьева, приняла выработанный на съѣздѣ уставъ, а тульчинской думѣ онъ остался неизвѣстнымъ, такъ какъ Бурцевъ исполнилъ только первую часть своего порученія; онъ объявилъ о закрытіи «Союза» и скрылъ о его реформѣ. Члены тульчинской думы отнеслись отрицательно къ постановленію съѣзда, полагая, что депутатамъ не принадлежало право распускать «Союзъ». Конечно, они рѣшили продолжать свою дѣятельность, но уже въ томъ крайнемъ направленіи, которое обнаружилось въ послѣдній годъ (1820) и находило защитника въ П. И. Пестелѣ. Такимъ образомъ, петербургская дума, ставшая теперь сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, и тульчинская, пре-

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 73.

вратившался въ южное, стали независимы въ своей дѣятельности одно отъ другого, не прекращая, конечно, сношеній между собой. Сѣверное общество стояло на сторонѣ монархически-конституціоннаго переворота; южное — имѣло въ виду республику. С. Г. Волконскій оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующее свидѣтельство, кратко резюмирующее дѣятельность обоихъ обществъ. «Дѣла южнаго общества, замышляющаго радикальный переворотъ, быстрыми шагами подвигались впередъ; вербовка членовъ шла успѣшно, причемъ самоотверженіе отъ аристократическихъ началъ придавало какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ, а потому — и самому общему ходу дѣла. Дѣйствія же сѣвернаго общества, какъ по существу своему, такъ и по принятымъ имъ началамъ, были не такъ живительны и болѣе относились къ приготовленію разныхъ проектовъ конституціи, между которыми трудъ Муравьева болѣе всѣхъ другихъ былъ сѣверной думою одобряемъ, какъ мысль; но въ затѣянномъ переворотѣ ставится все въ мысленную рамку преждевременно. Для успѣшнаго переворота надо просторъ, увлеченіе, а по переворотѣ — надо сильную волю, чтобъ избѣгнуть анархіи, и къ этой цѣли клонилось постановленіе южнаго общества, чтобы, при удачѣ, вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа или черезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія» [1]).

Такимъ образомъ, теперь были ясно намѣчены средства, которыми думали достигнуть переворота: извѣстная планомѣрная система дѣйствій на войско.

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, Спб. 1901, стр. 420.

Необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ сознавалась,—правда, не совсѣмъ опредѣленно,—и раньше, и нѣкоторые опыты воздѣйствія предпринимались. Прежде всего, конечно, нужно было расположить къ себѣ солдатъ хорошимъ обращеніемъ и заботливостью объ ихъ нуждахъ, а затѣмъ укрѣпить въ нихъ чувство собственнаго достоинства, нѣсколько ослабивъ чувство полной покорности авторитету дисциплины и начальства. Теперь уставъ возродившихся къ новой жизни обществъ прямо говорилъ объ извѣстномъ воспитаніи, извѣстной подготовкѣ съ расчетомъ на опредѣленный эффектъ. Но именно эта сторона дѣятельности декабристовъ намъ извѣстна очень мало: оффиціальныя данныя скудны до чрезвычайности: быть можетъ, ихъ было больше, но не сочли удобнымъ ихъ опубликовывать. Записки декабристовъ совсѣмъ не касаются этого вопроса, а между тѣмъ для правильной оцѣнки конечнаго результата усилій декабристовъ были бы необходимы точнѣйшія свѣдѣнія о всѣхъ средствахъ, съ помощью которыхъ декабристы дѣйствовали въ войскахъ. Конечные эффекты — неудавшееся военное возстаніе, день 14-го декабря на Сенатской площади и междоусобное сраженіе подъ Бѣлою-Церковью. При этомъ, необходимо принять во вниманіе, что чувство привязанности, которое такъ умѣли внушать къ себѣ декабристы, могло заставить солдатъ пойти за людьми, ими уважаемыми и любимыми. Играло роль и то обстоятельство, что приказывали офицеры, а солдаты исполняли ихъ приказаніе и шли въ открытый бой со своими же товарищами. Но врядъ ли всѣ эти указанныя причины могутъ объяснить размѣръ бунта, такъ какъ не взводы выходили на площадь, а цѣлыя части войскъ! Очс-

видно, что декабристы вели систематическую пропаганду, и эта пропаганда находила удобную почву. «Въ войскахъ, -показывали на допросахъ Сергѣй и Матвѣй Муравьевы,—есть начала, коими смѣлый мятежникъ можетъ всегда воспользоваться для произведенія неустройствъ»... «Главнымъ они почитаютъ,—продолжаетъ авторъ «Приложенія» къ докладу слѣдственной комиссіи,— пороки настоящаго образа продовольствія; ибо эти нижніе чины не только лишаются принадлежащихъ имъ по праву остатковъ и всѣхъ выгодъ бережливости, но иногда не имѣютъ и достаточнаго пропитанія; видя же, что начальники похищаютъ ихъ собственность, пріучаются и ненавидѣть, и презирать ихъ. Другое, столь же важное зло есть большое число штрафованныхъ солдатъ и разжалованныхъ офицеровъ и иныхъ чиновниковъ, людей если не всегда очернившихъ себя злодѣяніями, то, по крайней мѣрѣ, оказавшихъ худыя склонности, и сверхъ того лишенныхъ всякой надежды на улучшеніе судьбы своей въ будущемъ, слѣдственно готовыхъ на все» [1]). Только эти соображенія и привелъ авторъ «Приложенія», задавшійся, между прочимъ, спеціальной цѣлью отвѣтить въ этомъ конфиденціальномъ документѣ на вопросъ: «какими средствами злоумышленники надѣялись обольстить войско»? Подробностей онъ не сообщаетъ. Князь Васильчиковъ, бывшій командиромъ гвардейскаго корпуса во время извѣстной исторіи въ Семеновскомъ полку, былъ убѣжденъ, что «всѣ полки были болѣе или менѣе подготовлены къ 14-му декабря неудовольствіемъ, возбужденнымъ излишнею взыскательностью фронтовой службы» [2]).

[1]) „Русскій Архивъ“, 1875, кн. 3, стр. 437.

[2]) Ibid., 1875, кн. 1, стр. 349.

Такимъ образомъ, для пропаганды въ войскахъ находились благопріятныя условія. Въ извѣстной семеновской исторіи (отказъ подчиниться властямъ) размѣръ и сущность агитаціи не выяснены, но она была несомнѣнно. Въ перепискѣ князя Васильчикова съ императоромъ и начальникомъ его штаба, Волконскимъ, находится не мало любопытныхъ указаній и намековъ. Во время семеновскихъ волненій былъ захваченъ «пасквиль». Въ немъ «проповѣдывали солдатамъ считать самихъ себя властителями; проповѣдывали, чтобы они удалили или отставили бы того, кто имѣлъ власть донынѣ, также какъ всѣхъ офицеровъ или старшихъ, и выбрали бы другихъ между собою» [1]). Прокламація заканчивалась словами: «Спѣшите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій. Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ, Единоземецъ». Авторъ прокламаціи остался неразысканнымъ. П. К. Шильдеръ дѣлаетъ предположеніе о томъ, что эту прокламацію сочинилъ одинъ изъ будущихъ декабристовъ; что болѣе предпріимчивые изъ членовъ тайнаго общества намѣревались воспользоваться смятеніемъ, возбужденнымъ семеновской исторіей, чтобы вызвать всеобщее возстаніе среди войскъ [2]). Вотъ любопытный отрывокъ изъ письма Волконскаго къ Васильчикову: «Я очень удивленъ, что вы мнѣ ни слова не говорите объ арестованіи полиціею унтеръ-офицера гвардейскаго егерскаго полка Степана Гушеварова, который препровожденъ въ шлиссельбургскую крѣпость за веденные имъ разговоры съ однимъ изъ своихъ

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1875, кн. 1, стр. 353.

[2]) П. К. Шильдеръ. Исторія Александра I, т. IV, стр. 184 и слѣд., и 470.

товарищей и музыкантомъ Преображенскаго полка на счетъ исторіи Семеновскаго полка и о томъ, что ежели не вернутъ арестованные батальоны, то они докажутъ, что революція въ Испаніи ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что они сдѣлаютъ» [1]). Въ позднѣйшее время, прокламаціонная литература былъ въ большомъ ходу. У насъ нѣтъ свѣдѣній о ней; быть можетъ, они и есть, да пока еще недоступны. Самый яркій документъ этого рода представляетъ «Православный катехизисъ», написанный С. П. Муравьевымъ-Апостоломъ и прочитанный передъ войсками въ день сраженія подъ Бѣлой-Церковью. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ него:

«Вопросъ: Для чего Богъ создалъ человѣка?

«Отвѣтъ: Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и счастливъ.

«Вопросъ: Что значитъ вѣровать въ Бога?

«Отвѣтъ: Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе. Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ законовъ.

«Вопросъ: Что значитъ быть свободнымъ и счастливымъ?

«Отвѣтъ: Безъ свободы нѣтъ счастія. Св. апостолъ Павелъ говоритъ: «Цѣною крови куплени есте, не будете раби человѣкамъ» и т. д.

---

[1]) Ibid., 1875, кн. 2, стр. 57. Съ этими данными любопытно сопоставить сообщенія нѣкоторыхъ декабристовъ о томъ, что по дорогѣ въ Сибирь они чувствовали себя всегда хорошо тамъ, гдѣ часовыми были разжалованные солдаты Семеновскаго полка. См. также біографію декабриста И. И. Сухинова („Русскій Архивъ“, 1870, стр. 908 и слѣд.): въ ней найдется нѣсколько подробностей объ агитаціи среди солдатъ.

Дальше идутъ вопросы о томъ, должно ли повиноваться власти, когда она поступаетъ вопреки воли Божіей; какимъ образомъ ополчаться всѣмъ чистымъ сердцемъ; какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ. Противна ли Богу присяга, и т. д. [1]).

Пропаганда въ войскахъ, помимо пасквилей или листковъ, могла вестись систематическимъ путемъ въ школахъ для солдатъ по ланкастерской системѣ, которыя существовали въ то время при многихъ частяхъ войскъ. Раевскій былъ преподавателемъ одной изъ такихъ школъ, и ниже мы остановимся на этой сферѣ его дѣятельности.

Такимъ образомъ, быть можетъ, приведенныя выше слова С. Г. Волконскаго о «самоотверженіи отъ аристократическихъ началъ, придававшихъ какую-то восторженность частнымъ убѣжденіямъ», содержатъ свидѣтельство о томъ «хожденіи въ войска», о которомъ осталось весьма мало свѣдѣній.

III.

Ареной дѣйствій южнаго отдѣла «Союза благодѣнствія», а съ 1821 года и южнаго тайнаго общества, была вторая армія, состоявшая изъ двухъ корпусовъ, 6-го и 7-го, и расквартированная на югѣ Россіи, въ губерніяхъ кіевской, подольской, херсонской, екатеринославской, таврической и Бессарабіи. Душою дѣла и вождемъ движенія на югѣ былъ П. И. Пестель, адъютантъ начальника штаба второй арміи, П. Д. Киселева. Квартира штаба была въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, ставшемъ

[1]) Schiemann, op. cit., стр. 409—412.

центральнымъ пунктомъ движенія. Другой пунктъ, памятный въ исторіи декабристовъ, — помѣстье Раевскихъ (извѣстнаго генерала 12-го года) въ кіевской губерніи, Каменка. Здѣсь ежегодно собирались члены тайнаго общества. Въ первый періодъ движенія (1818—1821), періодъ пропаганды, важнымъ центромъ былъ Кишиневъ. Здѣсь было управленіе намѣстника Бессарабіи и штабъ 16-й дивизіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и руководителемъ былъ генералъ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, человѣкъ необыкновенной привлекательности и выдающихся способностей. Онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ «Союза благоденствія». Онъ дѣятельно пропагандировалъ идеи общества, занимаясь спеціально распространеніемъ просвѣщенія въ духѣ исповѣдуемыхъ имъ истинъ, и былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству школъ взаимнаго обученія [1]). Изъ другихъ членовъ тайнаго общества, жившихъ въ Кишиневѣ, мы знаемъ Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго, адъютанта Орлова, капитана Охотникова, подполковника Липранди [2]). Но всей вѣ-

---

[1]) О М. Ѳ. Орловѣ см. „Русск. Стар.“ 1872, т. V; 1877, т. XXI; 1878, т. XX. Для характеристики его взглядовъ см. письма къ нему П. Д. Киселева (Ibid., 1887, кн. VII, стр. 231). О ланкастерской школѣ, основанной имъ въ Кіевѣ записка П. Р. Мартоса въ „Кіевской старинѣ“, 1897, т. 56, іюль—авг., стр. прилож. 65—69. Характеристику его см. Сочиненія Герцена, т. I, стр. 2 и слѣд.

[2]) Липранди оставилъ подробнѣйшія записки о Пушкинѣ и кишиневской жизни, и, какъ членъ тайнаго общества, могъ бы сообщить интересныя свѣдѣнія о его дѣятельности въ 1818—1823 гг., но, къ удивленію, мы находимъ въ его запискахъ утвержденіе, что никакого движенія не было, и въ 6-мъ корпусѣ совсѣмъ не было участниковъ „Союза благоден-

роятности, членомъ «Союза» былъ поручикъ Таушевъ,

ствія" (всѣ перечисленныя нами лица какъ разъ служили въ 6-мъ корпусѣ). Наше удивленіе исчезнетъ, если мы вспомнимъ, что этотъ Липранди—тотъ самый Липранди, который впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность, какъ тайный и ревностный агентъ по дѣлу петрашевцевъ и по процессамъ сектантовъ и раскольниковъ. С. Г. Волконскій пишетъ о Липранди слѣдующее: „Въ уваженіе его передовыхъ мыслей и убѣжденій, принятъ въ члены открывшагося въ 16-й дивизіи отдѣла тайнаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ „Зеленой книги". При открытіи, въ двадцатыхъ годахъ, возстанія въ Италіи онъ просилъ у начальства дозволенія стать въ ряды волонтеровъ народной итальянской арміи, и по поводу неприятностей за это, принятое какъ дерзость, ходатайство, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку и, выказывая себя вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ къ прогрессу и званію члена тайнаго общества, былъ другомъ маіора В. Ѳ. Раевскаго, сослуживца его по 33-му егерскому полку... И этотъ Липранди, при такихъ предшествующихъ данныхъ, служа впослѣдствіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Перовскомъ и его преемникахъ по особымъ порученіямъ, былъ тайнымъ усерднымъ сыщикомъ въ царствованіе Николая, былъ орудіемъ гоненія раскольниковъ, былъ орудіемъ разысканія едва установившагося общества соціалистовъ и, наконецъ, имѣлъ дерзость, уже при Александрѣ II, подать проектъ объ учрежденіи при университетахъ школы шпіоновъ, вмѣнивъ въ обязанность попечителямъ давать свѣдѣнія министерству о тѣхъ студентахъ, которыхъ употребляютъ они, чтобы имѣть данныя о мысляхъ и дѣйствіяхъ ихъ товарищей, а министерство этими данными руководствовалось бы, чтобы этихъ мерзавцевъ (но не такъ ихъ они выставляли) назначать и употреблять, какъ сыщиковъ и шпіоновъ въ обществѣ, и, основываясь на полученныхъ отъ попечителей свѣдѣніяхъ, давать имъ по службѣ ходъ" („Записки С. Г. Волконскаго", Спб. 1901, стр. 318). Быть можетъ, загадка молчанія или даже отрицанія того, что было, объяснится, если примемъ во вниманіе послѣдующую дѣятельность Липранди, а также поясныя сообщенія

гевальтигеръ дивизіи. Были, конечно, и другіе члены, но ихъ фамиліи намъ неизвѣстны.

До насъ дошли крайне скудныя извѣстія о кишиневской жизни 1818 1825 гг., и ими мы обязаны только тому, что въ Кишиневѣ жилъ Пушкинъ. Изъ отрывочныхъ данныхъ можно заключить, что кишиневскіе члены общества самымъ точнымъ образомъ исполняли обязанности, налагаемыя на нихъ «Союзомъ». Къ нимъ можно было примѣнить слова Якушкина, сказанныя имъ о главныхъ членахъ «Союза благоденствія» въ 1818—1819 годахъ: «въ это время они вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно» [1]). Они настойчиво распространяли идеи, легшія въ основу общества; въ своихъ бесѣдахъ постоянно направляли мысль на критику существующаго порядка вещей и строя всей государственной жизни, говорили о необходимости реформъ, частичныхъ и общихъ. Одно обстоятельство особенно подогрѣвало пылъ кишиневскихъ членовъ и придавало ихъ рѣчамъ рѣзкое, боевое настроеніе. Въ порабощенной Греціи шла въ это время борьба за освобожденіе и подготовлялось возстаніе гэтэристовъ, вспыхнувшее въ 1820 году. Въ Кишиневѣ было очень много греческихъ патріотовъ; здѣсь именно и дѣйствовалъ ихъ революціонный комитетъ. Понятно, какой отзвукъ нашли въ сердцахъ русскихъ мечтателей призывные клики возстанія,

Н. С. Алексѣеву Пушкина, отъ 30-го октября 1826 г.: „Липранди тебѣ кланяется, живетъ по-прежнему здѣсь открыто и какъ другой Каліостро, Богъ знаетъ, откуда беретъ деньги" (Бумаги Пушкина, вып. 1-й, М. 1887 г., стр. 82).

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 34.

имѣвшаго цѣлью свержение турецкаго ига. Раевскій писалъ:

„Простите, тамъ для васъ, друзья,
Горитъ денница на востокѣ,
И отразилася заря
Въ шумящемъ кровію потокѣ.
Подъ сѣнь священную знаменъ
На поле славы боевое
Зоветъ васъ долгъ, добро святое;
Спѣшите, тамъ вокальный звонъ
Поколебалъ подземны своды,
Пробудитъ онъ народный сонъ
И гидру дремлющей свободы“ [1]).

Въ Кишиневѣ была масонская ложа; надо думать, что члены «Союза» придали ея соображеніямъ рѣзкій политическій характеръ. Но мы собственно ничего не знаемъ о ней. Когда Пушкинъ, въ 1826 году, въ своемъ письмѣ къ Жуковскому, припоминалъ всѣ свои связи, могущія компрометировать его съ точки зрѣнія политической благонадежности, онъ писалъ: «Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи». Основателемъ ложи былъ бригадный командиръ, генералъ П. С. Пущинъ. Сохранился конецъ экспромта, обращеннаго къ нему Пушкинымъ. Онъ содержитъ несовсѣмъ ясныя для насъ свидѣтельства о направленіи ложи:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода“!
Хвалю тебя, о, вѣрный братъ,
О, каменщикъ почтенный!
О, Кишиневъ, о, темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный!“

[1]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 368.

Пропаганда оппозиціонныхъ идей шла всюду, гдѣ собирались члены общества и когда они бывали другъ у друга, и на обѣдахъ у генерала Орлова. Не ограничиваясь распространеніемъ идеи въ обществѣ, кишиневскіе члены старались проложить имъ путь въ среду солдатъ. Дѣйствуя въ духѣ свободомыслія, они старались вывести жестокое обращеніе съ солдатами, но отъ этихъ заботъ, обязательныхъ для всякаго, они переходили къ заботамъ о духовной личности солдата. Старались стать въ болѣе близкія и искреннія отношенія къ своимъ подчиненнымъ и, пытаясь расшатать чувства слѣпого подчиненія, они признавали въ солдатѣ независимую личность, — и это былъ фактъ глубоко революціонный. Орловъ ставилъ своей задачей ввести въ своей дивизіи человѣческое отношеніе къ «людямъ»; преслѣдовалъ начальниковъ, жестоко обращавшихся; съ извѣстной точки зрѣнія, онъ являлся нарушителемъ военной дисциплины, принимая и поощряя жалобы нижнихъ чиновъ на жестокость обращенія, и этимъ самымъ вызывая пробужденіе сознанія человѣческаго достоинства. Вниманіе Орлова было обращено на распространеніе грамотности и просвѣщенія среди солдатъ. Имъ была открыта при дивизіи школа взаимнаго обученія по ланкастерской методѣ для солдатъ, и онъ ревностно заботился о ея процвѣтаніи. Въ письмахъ П. Д. Киселева, начальника штаба второй арміи, отъ 1818—1822 годовъ, сохранились различныя свѣдѣнія о броженіи въ войскахъ. 22 января 1822 года, онъ писалъ А. А. Закревскому въ Петербургъ: «удалите отъ военной службы всѣхъ тѣхъ, которые не дѣйствуютъ по смыслу правительства; всѣ они въ англійскомъ клубѣ безопасны, въ полкахъ чрезмѣрно вредны;

духъ времени распространяется повсюду, и нѣкое волненіе въ умахъ замѣтно; радикальные способы къ исторженію причинъ вольнодумства зависятъ не отъ насъ; но дѣло наше—не дозволять распространяться оному и укрощать, сколько можно, зло. Неумѣстная и безпрерывная строгость возродитъ его, а потому остается зараженныхъ удалять и поступать съ ними какъ съ чумными: лечить сколько возможно, но сообщеніе—воспрещать».

Распространеніе броженія побудило Киселева, въ 1821 г., учредить при арміи тайную полицію. 15 марта 1822 года, онъ писалъ объ этой полиціи Закревскому слѣдующее: «секретная полиція, мною образованная въ іюлѣ 1821 года, много оказала услугъ полезныхъ, ибо много обнаружила обстоятельствъ, черезъ которыя лица и дѣла представились въ настоящемъ видѣ; духъ времени заставляетъ усилить часть сію». Вотъ еще одинъ отзывъ изъ письма Киселева отъ 22 января 1822 года: «Касательно арміи я долженъ тебѣ сказать, что въ общемъ смыслѣ она, конечно, нравственнѣе другихъ; но въ частномъ разборѣ посомнѣнно найдутся лица неблагомыслящія, которыя стремятся, но безъ успѣха, къ развращенію другихъ; мнѣнія ихъ и дѣйствія мнѣ извѣстны, а потому, слѣдя за ними, я не страшусь какой либо внезапности и довершу издавна начатое» [1]).

Секретные агенты доносили слѣдующія характерныя подробности о броженіи въ Кишиневѣ. «Въ ланкастеровой школѣ, говорятъ, что кромѣ грамоты учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Нижніе чины

---

[1]) Заблоцкій-Десятовскій. Гр. П. Д. Киселевъ и его время. Спб. 1882 г., т. I, стр. 156, 157.

говорятъ: дивизіонный командиръ (М. Ѳ. Орловъ) нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 167-ю дивизію называютъ Орловщиной... Пушкинъ ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство, но даже и правительство... Липранди говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: «не утаивайте отъ меня, кто васъ обидѣлъ, я тотчасъ доведу до дивизіоннаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и, какъ часовые, такъ вѣстовые, наставленіе сіе передайте одинъ другому». Охотскаго полка 3-ья гренадерская рота, при выходѣ со двора корпуснаго командира, разсуждала, и, между прочимъ, вотъ разговоръ одного унтеръ-офицера съ рядовымъ за квартою водки. *Рядовой:* — Ну! какъ принялъ насъ корпусной! Это значитъ, что онъ не хочетъ подражать дивизіонному, который желаетъ образовать дивизію по своему вкусу, а корпусному-то непріятно, но, дастъ Богъ, найдемъ правду. *Унтеръ-офицеръ:* -Меньше говорить, да больше думать, вотъ какое дѣло. Что-то нашъ полковой мошенничаетъ, только врядъ ли удастся корпусному утушить» [1]).

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій былъ дѣятельнымъ помощникомъ Орлова и вполнѣ оправдывалъ свое званіе члена тайнаго общества. Онъ опредѣленно и ясно заявлялъ свои взгляды, вѣрный своему рѣзкому характеру; между прочимъ, своими разговорами онъ вліялъ на Пушкина, жившаго въ это время въ Кишиневѣ, и поддерживалъ въ немъ оппозиціонное настроеніе; но объ отношеніяхъ Раевскаго и Пушкина мы будемъ го-

[1]) „Русская Старина“, 1883 т. 40, стр. 657, 658.

ворить особо. Конечно, въ донесеніяхъ агентовъ имя Раевскаго попадалось нерѣдко, и Киселевъ въ теченіе долгаго времени до ареста имѣлъ подъ надзоромъ Раевскаго, который ему былъ извѣстенъ «вольнодумствомъ, совершенно необуздашнымъ» [1]). Но помимо постоянной устной пропаганды въ средѣ, окружавшей Раевскаго, Раевскій находился въ тѣхъ особыхъ отношеніяхъ къ солдатамъ, при которыхъ, пользуясь ихъ любовью и уваженіемъ за гуманное обращеніе, онъ могъ расчитывать, что его слова найдутъ путь въ головы солдатъ. Когда Орловъ открылъ при своемъ дивизіонномъ штабѣ ланкастерскую школу, онъ выбралъ преподавателемъ В. Ѳ. Раевскаго. Здѣсь Раевскій (употребимъ спеціальный терминъ) «занимался» съ солдатами. Въ 1821 г., «Союзъ благоденствія» былъ закрытъ, и тайное общество, дѣйствовавшее въ двухъ его организаціяхъ сѣверной и южной, вступило на путь активной пропаганды съ яснымъ сознаніемъ тѣхъ цѣлей, которыхъ надо достигнуть. Въ это время, уже ясно поняли, какой помощи въ ихъ дѣлѣ нужно ждать отъ солдатъ и что нужно дѣлать, чтобы этой помощи добиться. Если прежде съ солдатами толковали о просвѣщеніи, то теперь старались просвѣтить ихъ въ духѣ исповѣдуемыхъ обществомъ истинъ. Извѣстно, что на съѣздѣ членовъ «Союза благоденствія», въ февралѣ 1821 года, въ Москвѣ, М. Ѳ. Орловъ, по личнымъ соображеніямъ, формально порвалъ связи съ обществомъ и съ этихъ поръ уже не принималъ участія въ тайныхъ обществахъ. Не слѣдуетъ думать, что онъ измѣнилъ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ,— въ своей основѣ его взгляды были убѣжденіемъ человѣка гуманнаго и отрицательно относящагося къ су-

[1]) Заблоцкій-Десятовскій, op. cit., стр. 158.

ществующему порядку. Отдалившись отъ членовъ общества, онъ, понятно, зналъ объ ихъ работѣ, не препятствовалъ ей и оставилъ Раевскаго по-прежнему преподавателемъ школы. Раевскій, послѣ закрытія «Союза», остался въ числѣ членовъ общества и остался вѣренъ, по выраженію князя С. Г. Волконскаго, «принятой имъ клятвѣ» [1]). Онъ, очевидно, сочувствовалъ повороту въ направленіи общества и понималъ, какая работа предстояла теперь ему. Недаромъ онъ вспоминалъ впослѣдствіи, что таинственность его дѣла объяснилась на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Оставаясь учителемъ въ дивизіонной школѣ, Раевскій расчитывалъ на поддержку Орлова, но, по словамъ Якушкина, «въ надеждѣ на покровительство Орлова, онъ слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ [2]). Когда Раевскій былъ арестованъ, онъ ни словомъ не обмолвился объ Орловѣ. Изъ тюрьмы онъ просилъ передать Орлову, что «онъ судьбу свою сурову съ терпѣніемъ мраморнымъ сносилъ,—нигдѣ себѣ не измѣнилъ».

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій былъ арестованъ 6 февраля 1822 года. Началось продолжительное слѣдствіе. Главное вниманіе слѣдственныхъ властей привлекли дѣйствія Раевскаго въ ланкастерской школѣ «Необузданное вольнодумство» было извѣстно и, надо думать, засвидѣтельствовано рѣзкими заявленіями самого Раевскаго; искали преступныхъ дѣйствій. Доказать, что Раевскій принадлежитъ къ тайному обществу, не удалось, хотя нити заговора были въ рукахъ судей. При обыскѣ, въ бумагахъ Раевскаго, нашли списокъ всѣмъ тульчинскимъ членамъ. Якушкинъ разсказываетъ

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, стр. 469.
[2]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 62.

удивительную исторію объ этомъ спискѣ: «генералъ Сабанѣевъ отправилъ при донесеніи этотъ списокъ, и члены ожидали очень дурныхъ послѣдствій по этому дѣлу. Киселевъ, который, безъ сомнѣнія, зналъ о существованіи тайнаго общества, призвалъ къ себѣ Бурцева (Бурцевъ тоже былъ членомъ «Союза благоденствія» вплоть до его закрытія въ 1821 году; потомъ онъ, подобно Орлову, не принималъ никакого участія въ дѣлахъ южнаго общества), который былъ у него старшимъ адъютантомъ, подалъ ему бумагу и приказалъ тотчасъ по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцевъ былъ очень удивленъ, нашедши между листами данной ему бумаги списокъ тульчинскимъ членамъ, писанный Раевскимъ и присланный Сабанѣевымъ отдѣльно; Бурцевъ сжегъ списокъ, и тѣмъ кончилось дѣло» [1]).

Такимъ образомъ, слѣдствію оставалось заниматься только дѣломъ о пропагандѣ Раевскаго среди солдатъ, въ ланкастерской школѣ. Тайные агенты въ свое время доносили о томъ, «что Раевскій въ школѣ задабриваетъ солдатъ и что прописи включаютъ въ себѣ имена извѣстныхъ республиканцевъ: Брута, Кассія и т. п.» [2]). Трудно было уловить слѣды преступной пропаганды, потому что она совершалась устно. Слѣдственной комиссіи хотѣлось найти документальное подтвержденіе извѣтамъ шпіоновъ въ тѣхъ прописяхъ, которыя употреблялись въ школѣ Раевскаго. Если онѣ существовали, то нужно предположить, что Раевскій воспользовался весьма остроумнымъ средствомъ для распространенія своихъ идей. Прописи—надо думать—заключали въ себѣ извѣстныя сентенціи, правила поведенія, тѣ

[1]) Записки И. Д. Якушкина, стр. 57, 58.

[2]) „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1437.

истины, который декабристы желали распространить въ войскахъ. Фразы прописей воспринимались памятью безъ участія сознанія, прочно осѣдали въ памяти, и нужно было ждать извѣстнаго момента, который ярко освѣтилъ бы содержаніе этихъ фразъ, чтобы вслѣдъ послѣдовала активная реакція на это содержаніе. Комиссія, производившая дознаніе, кинулась искать таинственныхъ прописей, но нашла только дозволенныя и обращавшіяся во всѣхъ ланкастерскихъ школахъ печатныя таблицы Греча. Тогда привлекли къ дѣлу гевальтигера 16-ой пѣхотной дивизіи, поручика Таушева. Ему поставили въ вину то, что онъ, «получа отъ начальства предписаніе о принятіи въ вѣдѣніе свое, послѣ ареста Раевскаго, всѣхъ находившихся въ школѣ таблицъ, книгъ и разныхъ вещей, взялъ только одинъ печатныя таблицы Греча, а книги и письменныя прописи, подъ предлогомъ ненужныхъ, отдалъ служителю капитана Охотникова, который жилъ на одной квартирѣ съ Раевскимъ и находился съ нимъ въ тѣсной связи [1]). Намъ извѣстно, что Охотниковъ былъ также членомъ «Союза благоденствія», и только смерть спасла его отъ преслѣдованій. Какъ бы тамъ ни было, но прописей, компрометирующихъ Раевскаго, не нашли. Остались только подозрѣнія и доносы. Среди доносчиковъ были не только безымянные тайные агенты, были и всѣмъ извѣстные доносители. Объ одномъ изъ нихъ и мы знаемъ. Это былъ иркутскій архіерей Ириней; его звали еще по «иркутскому бунту». Будучи уже иркутскимъ архіепископомъ, онъ отказался признать за подлинные синодскіе указы о своей отставкѣ и обвинилъ губернскія власти въ злоумышленіи на его жизнь и го-

[1]) „Русская Старина", 1873, т. VII, стр. 373, 374.

сударственной измѣнѣ и т. д. [1]). Онъ былъ сосланъ въ Вологду, въ прилуцкій монастырь; здѣсь ему учинили допросы, и на этихъ допросахъ онъ сообщилъ слѣдующее о своемъ разговорѣ съ городскимъ головой. Между прочимъ, городской голова сказалъ Иринею, что «есть въ Иркутскѣ (собственныя показанія Иринея) Раевскій, и что, когда я былъ еще на пути изъ Пензы въ Иркутскъ, распространилась молва, что я виною ссылки его, Раевскаго, въ Сибирь, что онъ проводитъ часто время у Муравьева... При семъ я вспомнилъ, что еще когда былъ ректоромъ въ Бессарабіи, то мною первоначально было открыто зловредное для государства ученіе, которое преподавалъ бывшій тогда маіоръ сей Раевскій юнкерамъ въ военномъ бессарабскомъ лицеѣ. Тогда дивизіоннымъ командиромъ былъ Мих. Ѳед. Орловъ, а корпуснымъ—Сабанѣевъ. Раевскій найденъ былъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь» [2]).

Для возбужденія дѣла противъ Раевскаго было достаточно причинъ на мѣстѣ, но тутъ играли роль и другія обстоятельства. По характерному выраженію Липранди, изъ главной квартиры настоятельно требовали открытія заговора. Почти съ самаго вступленія въ должность начальника штаба (въ 1819 году), Киселевъ получалъ обильныя предостереженія отъ Закревскаго относительно Пестеля: «Возьми свои мѣры,—писалъ Закревскій 2 іюня 1819 года,—государь своего мнѣнія о Пестолѣ не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его хорошо, кажется, знаетъ» [3]). Въ 1821 г. была подана

---

[1]) О немъ въ послѣднее время появилась статья г. Шадіуса въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“ за 1900 годъ.

[2]) „Русская Старина“, 1882, т. XXXVI, стр. 102.

[3]) Заблоцкій Десятовскій, op. cit., стр. 89.

имп. Александру I графомъ Бенкендорфомъ извѣстная записка о тайныхъ обществахъ. Съ самаго начала своего служенія во 2-ой арміи Киселевъ былъ озабоченъ созданіемъ правильно организованной секретной полиціи. Ему ревностно помогалъ въ этомъ дѣлѣ корпусный командиръ Сабанѣевъ. Полиція должна была выслѣживать нити заговора. О необходимости открытія общества писали, по всей вѣроятности, изъ Петербурга. Поиски разрѣшились арестомъ Раевскаго, который не пользовался симпатіями ни корпуснаго командира Сабанѣева, ни начальника его штаба, Вахтена. Вахтенъ уже давно имѣлъ свои причины негодовать на Раевскаго. «При инспектированіи полка, когда Раевскій былъ еще ротнымъ командиромъ, Вахтенъ сообщалъ, что онъ много говоритъ за столомъ при старшихъ и тогда, когда его не спрашиваютъ; что онъ, на свой счетъ, сшилъ для роты двухшевные сапоги; что онъ часто стрѣляетъ изъ пистолета въ цѣль» [1]). Начиная явное разслѣдованіе о преступной дѣятельности Раевскаго, расчитывали открыть самый заговоръ. Пушкинъ, подслушавшій разговоръ Сабанѣева съ Низовымъ о Раевскомъ наканунѣ его ареста, ясно уразумѣлъ изъ послѣднихъ слонъ Сабанѣева, настаивавшаго на арестованіи Раевскаго, что «ему такъ приказано: ничего нельзя открыть, пока Раевскій не арестованъ» [2]). Любопытно, что декабристы, знавшіе Раевскаго и по его дѣятельности въ тульчинскомъ отдѣлѣ, и по Сибири, очень глухо говорятъ о сущности его дѣла. Почему же глухо? Не по соображеніямъ ли, внушеннымъ осторожностью? Басаргинъ, сидѣвшій въ петропавловской крѣпости рядомъ съ Ра-

[1]) „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 1437.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1874, іюнь, стр. 858.

евскимъ и переговаривавшійся съ нимъ, ограничивается только сообщеніемъ: «онъ мнѣ разсказалъ подробности своего дѣла» [1]). Деталей своего дѣла не сообщаетъ въ письмахъ и самъ Раевскій. Открыло ли ихъ оффиціальное разслѣдованіе, хранящееся, надо думать, въ государственномъ архивѣ?

Вотъ—все, что намъ удалось найти о политической дѣятельности Раевскаго, окончившейся 6 февраля 1822 года; но исторія бурныхъ лѣтъ кишиневской жизни Владиміра Ѳедосѣевича была бы неполна, если бы мы прошли молчаніемъ важный въ исторіи нашей литературы эпизодъ сношеній Раевскаго и Пушкина, жившаго въ это время въ ссылкѣ въ Кишиневѣ. Подробности этихъ отношеній обрисовываютъ личность Раевскаго съ другихъ, еще неизвѣстныхъ намъ сторонъ и помогутъ намъ составить о немъ болѣе ясное представленіе.

IV.

Кажется, ни въ одной исторіи провинціальнаго русскаго города не разрабатывались съ такими подробностями и такимъ вниманіемъ событія короткаго, двухъ или трехлѣтняго періода городской жизни, какъ въ лѣтописяхъ города Кишинева года 1820 -1823.

Особенный интересъ именно этихъ лѣтъ кишиневской лѣтописи объясняется тѣмъ, что на это время падаетъ пребываніе въ этомъ городѣ Пушкина. Эпизодъ его отношеній къ Владиміру Ѳедосѣевичу Раевскому—одна изъ наиболѣе интересныхъ и значительныхъ стра-

[1]) Девятнадцатый вѣкъ, изд. П. И. Бартенева, кн. I-я. М. 1872, стр. 74.

ницъ исторіи кишиневской жизни поэта. Среди массы кишиневскихъ пріятелей, собутыльниковъ, пріятныхъ и веселыхъ собесѣдниковъ, знакомыхъ просто,—Раевскій былъ однимъ изъ немногихъ людей, которыхъ поэтъ дарилъ своей дружбой, и единственнымъ человѣкомъ, который былъ достоинъ этой дружбы. Къ «друзьямъ» великихъ людей нужно относиться особенно осторожно: стоитъ только подумать о томъ, какъ много, напримѣръ, было друзей у Пушкина, да такихъ, о дружбѣ которыхъ съ поэтомъ мы знаемъ не изъ ихъ собственныхъ разсказовъ только, а изъ свидѣтельства самого Пушкина. Истинныхъ друзей, людей, которые вносили бы свое творчество, свою индивидуальность въ отношенія дружбы, у Пушкина было немного, а обиліе друзей находитъ свое объясненіе въ богатствѣ и щедрости души поэта. Онъ не бралъ дружбы, а дарилъ ее. Различныя воспоминанія о кишиневскихъ годахъ жизни Пушкина называютъ имена пяти лицъ, съ которыми онъ былъ дружески близокъ и общеніе съ которыми доставляло ему искреннее удовольствіе; это—Алексѣевъ, Горчаковъ, Вельтманъ, Липранди и Раевскій. Алексѣевъ и Горчаковъ платили поэту за его отношеніе чувствами искренней преданности, но врядъ ли дружескія чувства, связывавшія ихъ съ Пушкинымъ, были глубоки. Одна характерная фраза изъ письма Алексѣева (отъ 1826 года) къ Пушкину освѣщаетъ характеръ ихъ отношеній; вспоминая о названіяхъ: «лукавый соперникъ и черный другъ», данныхъ ему Пушкинымъ, Алексѣевъ пишетъ: «Я имѣлъ многихъ пріятелей, но въ обществѣ съ тобою я себя лучше чувствовалъ, и мы, кажется, понимали другъ друга. Несмотря на названія лукаваго соперника и чернаго друга, я могу сказать, что мы были друзья-

соперники и *жили пріятно*» [1]). Съ Горчаковымъ и Вельтманомъ Пушкинъ могъ бесѣдовать о литературѣ; сохранился отвѣтъ Пушкина Горчакову на его критическія замѣчанія о «Кавказскомъ Плѣнникѣ»,—отвѣтъ, по которому чувствуется, что Пушкинъ не очень цѣнилъ эстетическія сужденія своего пріятеля. Липранди, въ ту эпоху занимавшійся собираніемъ историческихъ данныхъ о Бессарабіи и выдѣлявшійся своимъ радикализмомъ, также былъ друженъ съ Пушкинымъ. «Онъ мнѣ добрый пріятель, писалъ о немъ Пушкинъ Вяземскому,—и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его» [2]). Въ бумагахъ Пушкина сохранился еще отзывъ о Липранди, какъ о человѣкѣ, «соединяющемъ ученость истинную съ отличными достоинствами человѣка» [3]). Но и Липранди, и Вельтманъ, и Горчаковъ, и Алексѣевъ—были мало оригинальныя фигуры, среднія личности, и, можно съ увѣренностью утверждать, ничего не дали поэту, кромѣ, быть можетъ, воспоминаній о *пріятности* совмѣстной съ ними жизни. Если былъ въ Кишиневѣ человѣкъ, общеніе съ которымъ могло быть плодотворно и значительно для Пушкина, то такимъ человѣкомъ былъ Раевскій. Пушкинъ не зналъ о томъ, что Раевскій былъ членомъ тайнаго общества, и его нелегальная дѣятельность оставалась неизвѣстной Пушкину. Онъ и впослѣдствіи, очень интересуясь судьбой Раевскаго, никакъ не могъ уяснить себѣ сущности его процесса, тайнаго и преступнаго элемента его дѣятельности. Но, безъ сомнѣнія, отъ Пушкина не могло укрыть-

---

[1]) Бумаги А. С. Пушкина. Вып. I-й. М. 1881, стр. 81.

[2]) Ibid., т. VII, стр. 27.

[3]) Ibid., т. I, стр. 279.

ся то идеалистическое возбужденіе, которое привело Раевскаго къ вступленію въ тайное общество и не оставляло его во все время дѣятельности по дѣламъ общества; понятно, Раевскій, какъ и всѣ молодые заговорщики, не созпавалъ своихъ политическихъ убѣжденій, своего образа мыслей. Въ эпоху 1820—1823 годовъ и въ Кишиневѣ, и въ Каменкѣ, куда съѣзжались на свои собранія будущіе декабристы, Пушкинъ жилъ въ атмосферѣ политическихъ разговоровъ: стоитъ только вспомнить, что въ этотъ періодъ въ Кишиневѣ находились и Орловъ Мих. Оед., и Раевскій, и Охотниковъ, и Липранди, принадлежавшіе къ «Союзу благодѣнствія». Пушкину суждено было только подозрѣвать своихъ знакомыхъ и друзей въ принадлежности къ тайному обществу, только догадываться, что гдѣ-то внѣ сферы его зрѣнія эти люди занимаются чѣмъ-то тайнымъ, недозволеннымъ и страшнымъ, такимъ, что можетъ кончиться очень плохо. Быть можетъ, помимо политическихъ убѣжденій, Пушкина тянулъ къ этимъ людямъ еще скрытый, но чувствуемый художникомъ трагизмъ ихъ жизни. Возможность трагическаго конца жизни освѣщала этихъ людей особымъ свѣтомъ. Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 2368, листъ 38-ой), мы встрѣчаемъ слѣдующій рисунокъ: валъ и ворота крѣпости, на валу висѣлица и на ней пять повѣшенныхъ, а сбоку страницы приписка: «я бы могъ, какъ тутъ па»... Внизу опять тотъ же рисунокъ и начало фразы: «И я бы могъ». Въ этой замѣткѣ, относящейся къ 1826 году и къ казни пяти декабристовъ, набросанной невольно, не предназначенной для другихъ, не нужно искать указаній на фактическую исторію жизни Пушкина; рисунокъ и за-

мѣтка свидѣтельствуютъ только о томъ волненіи, которое возбуждалъ въ немъ трагизмъ дѣятельности декабристовъ. Дальше мы увидимъ, что Раевскій былъ однимъ изъ немногихъ людей въ Кишиневѣ, къ которымъ поэтъ относился съ полнымъ уваженіемъ.

У Раевскаго была одна общая черта со многими декабристами, въ особенности съ декабристами-писателями,—своеобразный патріотизмъ. Возвысившись до идеальнаго представленія о высокой цѣли жизни и благѣ родины, посвятивъ свою дѣятельность самоотверженной любви къ своимъ соотечественникамъ, — и Раевскій, и многіе другіе не могли освободиться отъ чувства національной исключительности и нетерпимости. Раевскій питалъ, напримѣръ, ненависть къ нѣмцамъ; однимъ изъ мотивовъ возникновенія въ немъ оппозиціоннаго настроенія было «возстановленіе» всегда враждебной намъ Польши. Наряду съ этой нетерпимостью необходимо отмѣтить стремленіе къ національной самобытности,- борьбой за самобытное, національное содержаніе опредѣляется значеніе литературной дѣятельности декабристовъ. Раевскій въ своихъ разговорахъ съ Пушкинымъ не разъ утверждалъ, что въ русской поэзіи не должно приводить ни именъ изъ миѳологіи, ни историческихъ лицъ Греціи и Рима,—что у насъ то и другое есть свое. Къ достоинствамъ Раевскаго нужно отнести его образованность, его солидныя и большія знанія, особенно въ области историческихъ наукъ. Наконецъ, Раевскій самъ былъ поэтомъ и, слѣдовательно, могъ быть судьей поэтическихъ произведеній. Вотъ тѣ данныя, которыхъ, во всей ихъ совокупности, не было ни у одного изъ кишиневскихъ пріятелей Пушкина, и которыя вызвали дружбу Пушкина къ

Раевскому и выдвигаютъ послѣдняго на первое мѣсто въ кишиневской толпѣ друзей поэта. Въ общеніи съ Раевскимъ на Пушкина могъ еще дѣйствовать темпераментъ поэта и заговорщика. Человѣкъ громадной энергіи, рѣдкой силы воли, пылкій и горячій, онъ всегда находился, по выраженію Липранди, «въ весело-мрачномъ» расположеніи духа.

Соберемъ теперь разбросанныя данныя, освѣщающія картину отношеній Пушкина и Раевскаго [1]). Въ своемъ письмѣ къ Жуковскому, отъ января 1826 года, Пушкинъ, перебирая всѣ свои связи, могущія компрометировать его въ глазахъ правительства, на первомъ мѣстѣ вспоминаетъ о Раевскомъ. «Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ», пишетъ Пушкинъ. Вотъ его собственное показаніе о характерѣ отношеній къ Раевскому. Пушкинъ бывалъ у Раевскаго и часто встрѣчался съ нимъ у Липранди. Эти встрѣчи очень часто сопровождались спорами «всегда о чемъ нибудь дѣльномъ»; изъ чтенія «Воспоминаній» Липранди выносишь такое впечатлѣніе, будто споры — специфическая особенность отношеній Раевскаго и Пушкина. Первый былъ очень рѣзокъ въ своихъ возраженіяхъ, но Пушкинъ, не переносившій рѣзкостей со стороны собесѣдниковъ, выслушивалъ ихъ отъ Раевскаго и не обижался. Липранди подмѣтилъ, что Пушкинъ иногда завязывалъ споры съ видимымъ желаніемъ удовлетворить своей любознательности; поэтому-то онъ не оскорблялся рѣзкими выраженіями своего оппонента, а, напротивъ, какъ казалось Липранди, «искалъ выслушивать бойкую рѣчь Раевскаго». Пушкинъ, очевидно,

[1]) Приводя цитаты изъ воспоминаній Липранди („Русскій Архивъ"; 1866), не указываемъ страницъ.

находилъ пользу въ этихъ спорахъ, такъ какъ не разъ, черезъ день, два послѣ такихъ бесѣдъ, обращался къ Липранди, обладавшему большой библіотекой, за книгами, которыя имѣли отношеніе къ предмету спора. Между прочимъ, Пушкинъ условился съ Липранди на тотъ счетъ, что если у него, Липранди, не найдется нужныхъ Пушкину книгъ, то Липранди будетъ доставать ихъ у другихъ лично для себя, скрывая, что онѣ предназначаются поэту. Эти споры, по свидѣтельству Липранди, очень содѣйствовали расширенію умственнаго кругозора Пушкина и обогатили его знанія, особенно въ области историческихъ наукъ; очевидецъ приводитъ слѣдующій любопытный фактъ: «одинъ разъ какъ-то Пушкинъ ошибся и указалъ на мѣстность въ одномъ изъ европейскихъ государствъ не такъ. Раевскій кликнулъ своего человѣка и приказалъ ему показать на висѣвшей на стѣнѣ картѣ пунктъ, о которомъ шла рѣчь; человѣкъ тотчасъ исполнилъ. Пушкинъ смѣялся болѣе другихъ; но на другой день взялъ Мальтебрюна».

Въ памяти Липранди осталось нѣсколько споровъ Раевскаго съ Пушкинымъ. Одинъ разъ Пушкинъ оспаривалъ приведенное выше мнѣніе Раевскаго о томъ, что въ русской поэзіи не должно приводить не-русскія имена; не одинъ разъ въ своихъ бесѣдахъ они обращались къ вопросу о мѣстѣ ссылки Овидія (кстати: у Раевскаго было свое прозвище для Пушкина — «Овидіевъ племянникъ»). Въ спорахъ часто затрогивались, конечно, темы политическія и историческія, но кромѣ этихъ темъ Пушкинъ бесѣдовалъ съ Раевскимъ о литературѣ. Липранди пишетъ объ этихъ спорахъ: «такъ какъ предметъ этотъ меня вовсе не занималъ, то я и не обращалъ никакого вниманія на эти диспуты, но-

однократно возобновлявшіеся». Только одинъ споръ, по темѣ своей тоже отчасти литературный, сохранился въ памяти Липранди. «Помню очень хорошо, — пишетъ онъ, — между Пушкинымъ и В. О. Раевскимъ горячій споръ (какъ между ними другого и быть не могло) по поводу: «рѣжь меня, жги меня»; но не могу положительно сказать, кто изъ нихъ утверждалъ, что — «жги» принадлежитъ русской пѣснѣ, и что вмѣсто «рѣжь», слово — «говори» — имѣетъ въ «пыткѣ» то же значеніе, и что споръ этотъ порѣшилъ отставной фейерверкеръ Ларинъ, обыкновенно жившій у меня. Не понимая, о чемъ дѣло, и уже довольно попробовавшій за ужиномъ полыннаго, потянулъ онъ эту пѣсню — «ой, жги, говори, рукавички барановыя»! Эти послѣднія слова превратили споръ въ хохотъ и обыкновенныя съ Ларинымъ проказы».

Пушкинъ и Раевскій сыпали остроуміемъ въ своихъ бесѣдахъ. Въ одну изъ нихъ Раевскому пришла мысль приспособить извѣстную пѣснію о Мальбругѣ, отправившемся въ походъ, къ смерти извѣстнаго фронтовика, подполковника Адамова. По почину Раевскаго и при усердномъ содѣйствіи Пушкина изъ передѣлки получилась сатира, затронувшая многихъ лицъ по начальству.

Когда 6-го февраля 1822 года былъ арестованъ Раевскій, и совершенно внезапно порвались тогда и его личныя сношенія съ Пушкинымъ,—Пушкину, жившему у Инзова, пришлось узнать о готовящемся арестѣ Раевскаго, и онъ за день до ареста, 5 февраля, предупредилъ своего друга. Вотъ какъ разсказываетъ самъ Раевскій объ этомъ:

«1822 года, 5-го февраля, въ 9 часовъ пополудни, кто-то постучался у моихъ дверей. Арнаутъ, который

стоялъ въ безмолвіи передо мною, вышелъ встрѣтить или узнать, кто пришелъ. Я курилъ трубку, лежа на диванѣ.

— Здравствуй, душа моя!—сказалъ Пушкинъ весьма торопливо и измѣнившимся голосомъ.

— Здравствуй, что̀ новаго?

— Новости есть, но дурныя; вотъ почему я прибѣжалъ къ тебѣ.

— Добраго я ничего ожидать не могу послѣ безчеловѣчныхъ пытокъ С. (очевидно, Сабанѣева). Но что̀ такое?

— Вотъ что,— продолжалъ Пушкинъ.— Сабанѣевъ уѣхалъ отъ генерала (Инзова); дѣло шло о тебѣ. Я не охотникъ подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрѣшилъ, приложилъ ухо. Сабанѣевъ утверждалъ, что тебя надо непремѣнно арестовать; нашъ Инзушка — ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ — отстаивалъ тебя горячо. Долго еще продолжался разговоръ, я многаго не дослышалъ, но изъ послѣднихъ словъ Сабанѣева ясно уразумѣлъ, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестованъ.

— Спасибо,—сказалъ я Пушкину: — я этого почти ожидалъ, но арестовать штабъ-офицера по однимъ подозрѣніямъ — отзывается турецкою расправой; впрочемъ, что будетъ, то будетъ. Пойдемъ къ Липранди,— только ни слова о моемъ дѣлѣ» [1]).

Раевскій былъ отвезенъ въ тираспольскую крѣпость. Несмотря на строгія предписанія, все-таки была возможность видѣться и говорить съ нимъ. Липранди, въ се-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1874, іюнь, стр. 857, и „Русская Старина“, 1887, т. 56, стр. 132.

ред. 1822 года, нашелъ случай поговорить съ Раевскимъ во время его прогулки по глазису крѣпости. Раевскій передалъ ему свое большое стихотвореніе «Пѣвецъ въ темницѣ» и поручилъ сказать Пушкину, что онъ пишетъ ему длинное посланіе. «Пѣвецъ въ темницѣ» произвелъ большое впечатлѣніе на Пушкина и, быть можетъ, оказалъ непосредственное вліяніе на его произведенія; мы не знаемъ, къ сожалѣнію, этого стихотворенія въ полномъ видѣ. Посланіе къ Пушкину вовсе не дошло до насъ; зато въ сохранившемся «Посланіи къ друзьямъ въ Кишиневѣ», написанномъ въ тираспольской крѣпости 28-го марта 1822 года, мы находимъ строки, относящіяся къ Пушкину. Въ нихъ данъ какъ бы итогъ всѣхъ разговоровъ между друзьями; въ нихъ «пѣвецъ въ темницѣ» шлетъ свое завѣщаніе поэту, оставшемуся на свободѣ. Раевскому приходятъ на мысль тѣ страданія, которыя готовитъ ему тюремное заключеніе, быть можетъ, долголѣтнее, и онъ чувствуетъ, что его силъ не хватитъ на изображеніе этихъ страданій. Онъ вспоминаетъ о Пушкинѣ, и это обращеніе содержитъ въ себѣ высокую оцѣнку поэтическаго дарованія поэта и выражаетъ взглядъ Раевскаго на задачи поэзіи:

„Но пусть не я, другой пѣвецъ,
Страстей высокихъ юный жрецъ,
Сіи подземныя картины
Страданья, пытки Уголины,
Стихами Данта воспоетъ!
Сковала мысль мою, какъ ледъ,
Уже темничная зараза;
Жилецъ темницы отдаетъ
Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа.
Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,

Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой!" [1])

Пушкинъ очень интересовался судьбой «спартанца», какъ они прозвали Раевскаго. Онъ очень много, съ видимымъ участіемъ распрашивалъ о Раевскомъ Липранди, послѣ его свиданія съ заключеннымъ; но онъ, очевидно, никакъ не могъ добиться точныхъ и опредѣленныхъ разъясненій, за что же собственно былъ взятъ «спартанецъ» въ крѣпость. Дѣло Раевскаго представлялось ему таинственнымъ, важнымъ и страшнымъ. Во время извѣстнаго свиданія Ив. Ив. Пущина съ Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ, 11-го янв. 1825 года, въ разговорѣ они незамѣтно коснулись опять подозрѣній насчетъ общества. «Когда я ему сказалъ, вспоминаетъ Пущинъ,—что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: «Вѣрно, все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ тирасполь-ской крѣпости и ничего не могутъ выпытать» [2]).

Быть можетъ, сложившееся у Пушкина представленіе о важности дѣла Раевскаго и было причиной того, что онъ въ одномъ случаѣ, о которомъ мы разскажемъ ниже, выказалъ неожиданное и несвойственное ему житейское благоразуміе. Въ 1824 году Пушкину случилось заночевать въ Тирасполѣ, и здѣсь ему представилась возможность имѣть свиданіе съ Раевскимъ. Сабанѣевъ, которому были извѣстны дружескія отношенія Раевскаго и Пушкина, далъ на это согласіе, но Пушкинъ рѣшительно отвергнулъ предложеніе повидаться

---

[1]) „Русская Старина", 1890, т. 66, стр. 368.
[2]) Л. Н. Майковъ, „Пушкинъ". Спб. 1899, стр. 81.

съ Раевскимъ, отговариваясь тѣмъ, что ему надо быть въ опредѣленный часъ въ Одессѣ. Въ Одессѣ Липранди задалъ Пушкину вопросъ, почему онъ не повидался съ Раевскимъ, когда ему было предложено это самимъ корпуснымъ командиромъ. «Пушкинъ,—пишетъ Липранди,—будто бы нѣсколько былъ озадаченъ моимъ вопросомъ и сталъ оправдываться тѣмъ, что онъ спѣшилъ, и кончилъ полнымъ признаніемъ, что въ его положеніи ему нельзя было воспользоваться этимъ предложеніемъ, хотя онъ былъ убѣжденъ, что оно было сдѣлано Сабанѣевымъ съ искреннимъ желаніемъ доставить ему и Раевскому удовольствіе, но что нѣмецъ Вахтенъ не упустилъ бы сообщить этого свиданія въ Тульчинъ, а тамъ много усерднѣйшихъ, которые поспѣшатъ сдѣлать то же въ Петербургъ и пр.». Такое поведеніе было благоразумнымъ съ практической точки зрѣнія и имѣло свои основанія, но изъ стихотвореній Раевскаго мы видимъ, какъ тяготило его во время пребыванія въ тюрьмѣ безучастное отношеніе друзей:

„Когда громъ грянулъ надъ тобою,
Гдѣ были братья и друзья?
Раздался-ль внятно за тебя
Ихъ голосъ смѣлый подъ грозою?
Нѣтъ, ихъ раскрашенныя лица
И въ счастьѣ гордое чело—
При словѣ: казни и темницы—
Могильной тѣнью повело“...

Все же надобно думать, что Раевскій не причислялъ Пушкина къ тѣмъ друзьямъ, о которыхъ онъ говоритъ въ этихъ стихахъ...

Атмосфера, окружавшая Пушкина въ кишиневскій періодъ его жизни, атмосфера политическихъ разгово-

ровъ, бесѣдъ о «тѣхъ» и «той» [1]), мечтаній о зарѣ сво-

„Вотъ эвхаристія другая,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безцѣнной, мерзлою струей
И за здоровье *тѣхъ* и *той*
До дна, до капли выпивали...
Но *тѣ* въ Неаполѣ шалятъ,
А *та* едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ", и т. д.

боды золотой, поддерживала оппозиціонное настроеніе поэта и питала его гражданскія стремленія. Кишиневскій періодъ былъ эпохой наибольшаго воздѣйствія на поэта оппозиціонныхъ теченій первой четверти прошлаго вѣка; мы не ошибемся, если скажемъ, что эти годы были поворотными въ отношеніи Пушкина къ движенію, въ которомъ принимали участіе многіе изъ его друзей. Быть можетъ, то житейское благоразуміе, которое поэтъ выказалъ въ 1824 году въ Тирасполѣ относительно свиданія съ Раевскимъ, было результатомъ уже сложившагося въ душѣ Пушкина рѣшенія о своихъ отношеніяхъ къ заговорщикамъ. Ни въ какой другой періодъ Пушкина не занимали такъ сильно мысли и убѣжденія, раздѣлявшіяся членами тайныхъ обществъ и людьми радикально настроенными; никогда его такъ не волновали ихъ чувства и настроенія. Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ эти годы, мы найдемъ не мало отраженій политической

[1]) Въ извѣстномъ письмѣ къ В. Л. Давыдову Пушкинъ вспоминаетъ о разговорахъ, происходившихъ въ Каменкѣ.

атмосферы, окружавшей поэта. «Его поэзія,—по справедливому замѣчанію г. Мякотина,—и теперь не стала поэзіей гражданской, тѣмъ менѣе политической, но въ ней прорывались въ эту пору болѣе рѣзкіе и страстные звуки, чѣмъ когда бы то ни было» [1]). Стоитъ только вспомнить, что въ это время написаны: «Кинжалъ», стихотвореніе необыкновенной силы, извѣстное посланіе къ В. Л. Давыдову о «тѣхъ» и «той», «Наполеонъ» отрывокъ, заключающій сопоставленіе Наполеона съ Александромъ, и т. д. Еще болѣе драгоцѣнныя свидѣтельства о степени вліянія политическихъ настроеній на творчество поэта—въ отдѣльныхъ фразахъ, замѣткахъ, стихахъ, начатыхъ и брошенныхъ, рисункахъ, разсѣянныхъ въ кишиневскихъ тетрадяхъ поэта [2]). Всѣ эти мелочи, набросанныя на бумагу, быть можетъ, совершенно непроизвольно, даютъ ключъ къ тому, что занимало и волновало поэта. Мы найдемъ въ рукописяхъ и многочисленные рисунки фригійскихъ шапокъ, и рисунки головъ съ рѣзкими чертами лица (одна въ ночной повязкѣ съ надписью «Marat»; подъ другой, съ длиннокудрыми волосами, подписано: «Sand» и т. д.). Вотъ, напр., афоризмъ: «только революціонная голова, подобная Мар. (Мир. — ?) и П. (?), можетъ любить Россію такъ, какъ писатель можетъ любить ея языкъ... Все должно творить въ этой Россіи и въ этомъ русскомъ языкѣ». А вотъ отрывокъ: «Вездѣ яремъ, сѣкира

---

[1]) В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки. Спб. 1902, стр. 279.

[2]) См. описаніе ихъ въ статьяхъ В. Е. Якушкина: „Рукописи Пушкина, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ"; „Русская Старина", 1884 годъ. Отсюда взяты нами всѣ свидѣтельства рукописей; отдѣльныхъ ссылокъ не дѣлаемъ.

иль вѣнецъ; вездѣ злобный иль малодушный. Предразсужденья Тиранъ-льстецъ,—Предразсужденій рабъ послушный»... Вотъ прекрасный черновой набросокъ:

„Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . . . .
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!"

Въ рукописяхъ поэта найдется еще не мало подобныхъ замѣтокъ, этихъ тайныхъ и невольныхъ свидѣтелей того, о чемъ думалъ ихъ хозяинъ. Не будетъ, кажется, преувеличеніемъ утверждать, что мысли политическаго характера давали тонъ всему настроенію поэта въ теченіе его кишиневской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что однимъ изъ наиболѣе,—быть можетъ, даже самымъ усерднымъ и энергичнымъ проводникомъ и защитникомъ политическихъ идей передъ Пушкинымъ былъ Раевскій. Мы, конечно, не можемъ точно опредѣлить степень вліянія Раевскаго на складъ политическихъ убѣжденій и настроеній поэта; невозможно уловить и фиксировать это вліяніе. Но есть другія области, въ которыхъ вліяніе Раевскаго сказывается гораздо ощутительнѣе.

Вспомнимъ строфы изъ посланія къ Чаадаеву:

„Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій:
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы

Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ".

Къ этимъ стихамъ, какъ къ свидѣтельству самого поэта о своихъ занятіяхъ съ цѣлью расширенія кругозора, часто относились съ недовѣріемъ; но вспомнимъ о спорахъ Пушкина съ Раевскимъ и ихъ значеніи для поэта. Вотъ своеобразно выраженное мнѣніе Липранди о бесѣдахъ съ Раевскимъ (кромѣ него, еще и съ Охотниковымъ, Орловымъ и Вельтманомъ): «онѣ, такъ сказать, дали толчокъ къ дальнѣйшему развитію научно-умственныхъ способностей Пушкина, по предметамъ серьезныхъ наукъ». Раевскій особенно интересовался исторіей и географіей родной страны; этотъ интересъ стоитъ въ связи съ чувствами своеобразнаго патріотизма и характернымъ для многихъ декабристовъ стремленіемъ къ самобытности. Въ литературѣ типичный образецъ этого обращенія къ національному представляютъ «Думы» Рылѣева. Мы знаемъ взгляды Раевскаго на необходимость русскаго содержанія въ поэтическихъ произведеніяхъ. Надо думать, что Раевскій не разъ толкалъ Пушкина къ подобнымъ сюжетамъ; впослѣдствіи и Рылѣевъ побуждалъ Пушкина къ нимъ. «Ты около Пскова,—писалъ онъ ему:—тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы,—настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы», и т. п. Во всякомъ случаѣ, Раевскій несомнѣнно обратилъ вниманіе Пушкина на русскую старину и содѣйствовалъ обогащенію его историческихъ знаній. Какъ разъ въ кишиневскихъ рукописяхъ поэта мы найдемъ много свидѣтельствъ того, что поэта очень занимали въ это время темы древней русской исторіи. Сохранился цѣлый рядъ историческихъ программъ раз-

личныхъ произведеній объ Олегѣ, Изяславѣ, Владимірѣ и т. д. Къ 1822 году относится и первый планъ для сказки о «Царѣ Салтанѣ». Въ этомъ же году поэтъ дѣлалъ вступительные наброски къ поэмѣ о Вадимѣ, но объ этомъ скажемъ ниже. Наконецъ, къ этому же году относятся замѣтки Пушкина о русской исторіи со временъ Петра I; взгляды, высказанные въ этихъ замѣткахъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ мнѣніямъ передовыхъ элементовъ русскаго общества. Подъ извѣстной «Пѣснью о вѣщемъ Олегѣ» стоитъ дата: «1 марта 1822 г.». Раевскій арестованъ былъ 6 февраля этого же года. Не вспоминалъ ли Пушкинъ о бесѣдахъ съ Раевскимъ, о его проповѣди самобытнаго содержанія поэтическихъ произведеній, когда онъ набрасывалъ эту балладу?

Липранди записалъ въ своемъ дневникѣ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на Пушкина первое чтеніе «Пѣвца въ темницѣ». «Начавъ читать стихотвореніе, Пушкинъ замѣтилъ, что Раевскій упорно хочетъ брать все изъ русской исторіи, что и тутъ онъ нашелъ возможность упоминать о Новгородѣ и Псковѣ, о Марѳѣ Посадницѣ и Вадимѣ, и вдругъ остановился: «Какъ это хорошо, какъ это сильно; мысль эта мнѣ нигдѣ не встрѣчалась; она вертѣлась въ моей головѣ; но это не въ моемъ родѣ, это въ родѣ тираспольской крѣпости, а хорошо», и пр. Онъ продолжалъ читать, но, видимо, болѣе серьезно. Прочитавъ стихотвореніе до конца, онъ продекламировалъ вслухъ недоумѣвающему Липранди отрывокъ, его поразившій:

„Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бичей кровавый родъ
И мысль, и взоръ казнитъ на плахѣ“

Послѣ чтенія зашелъ разговоръ еще объ одномъ четырехстишіи изъ стихотворенія Раевскаго, но у Пушкина не проходило впечатлѣніе поразившаго его отрывка. Онъ былъ въ волненіи... Вдругъ началъ бороться съ Таушевымъ, потомъ схватилъ Таушева подъ-руку и ушелъ. На другой день Таушевъ передавалъ Липранди мнѣніе Пушкина, что мысль этого отрывка едва ли Раевскій не первый высказалъ.

Вслѣдъ за этимъ отрывкомъ въ стихотвореніи Раевскаго находятся обращеніе къ русской старинѣ и упоминанія о Новгородѣ и Псковѣ, Вадимѣ и Маѳѣ Борецкой. Такъ какъ въ неоконченныхъ наброскахъ Пушкина изъ поэмы или трагедіи изъ жизни Вадима можно прослѣдить отдаленное вліяніе произведенія Раевскаго и его теоретическихъ разсужденій о поэзіи, то мы остановимся нѣсколько подробнѣе на исторіи темы о Вадимѣ въ русской литературѣ и цѣликомъ приведемъ извѣстныя намъ строфы посланія Раевскаго, слѣдующія за приведенными отрывками:

„Къ моей отчизнѣ устремилъ
Я, общимъ зломъ пресытясь, взоры,
Съ предчувствьемъ мрачнымъ вопросилъ
Сибирь, подземные затворы
И книгу, кою открывалъ,
Дыша къ землѣ родной любовью,
Но хладный потъ меня объялъ,—
Листы залиты были кровью!

Я бросилъ сумрачный свой взоръ
Съ печалью на кровавы строки—
Тамъ былъ подписанъ приговоръ
Судьбою гибельной, жестокой:
„Во прахъ и Новгородъ, и Псковъ,
Конецъ ихъ гордости народной!

Они дышали шесть вѣковъ
Во славѣ жизнію свободной".

Погибли Новгородъ и Псковъ,
Во прахъ пышныя жилища
И трупы добрыхъ ихъ сыновъ
Звѣрей голодныхъ стали пища.
Но тамъ безсмертныхъ имена
Златыми буквами сіяли;
Богоподобная жена—
Борецкая, Вадимъ,—вы пали:
Съ тѣхъ поръ исчезъ, какъ тѣнь, народъ,
И гласъ его не раздавался
Предъ вѣстью бранныхъ непогодъ,
На площади онъ не сбирался" и т. д.

Конецъ стихотворенія намъ неизвѣстенъ.

Обращенія къ Новгороду, Пскову, Вадиму, столь обычныя въ нашей литературѣ первой четверти вѣка, являются, безъ сомнѣнія, результатомъ старательнаго желанія создать самобытную, національную русскую литературу; но у поэтовъ оппозиціоннаго лагеря обращенія именно къ Пскову и Новгороду имѣли особый смыслъ. Искренно желая свободы своей странѣ, они искали свободнаго состоянія своихъ согражданъ въ глубокой древности. Исторія Новгорода и Пскова казалась имъ исторіей древней славянской свободы. Въ борьбѣ за свободу имъ нуженъ былъ легендарный эпическій герой, и они нашли его въ Вадимѣ, вождѣ новгородскаго возстанія, убитомъ въ 863 году [1]). Тема о

---

[1]) Этому Вадиму они могли придать дорогія имъ черты героя-революціонера съ тѣмъ большею увѣренностью, что о немъ не сохранилось никакихъ данныхъ. Всѣ данныя заключаются въ слѣдующей записи въ Никоновской лѣтописи подъ

Вадимѣ имѣетъ любопытную литературную исторію. За обработку ея брались и Екатерина II, и Херасковъ, и Муравьевъ М. Н., и Княжнинъ, и Жуковскій. Каждый изъ авторовъ, при полнѣйшемъ отсутствіи историческихъ данныхъ, рѣшалъ вопросъ о личности Вадима по-своему. И вотъ какъ измѣнялся образъ Вадима въ нашей литературѣ. Въ то время, какъ по изображенію Екатерины Вадимъ является дерзкимъ бунтовщикомъ противъ верховной власти Рюрика, представителя просвѣщеннаго абсолютизма, — Княжнинъ въ своей трагедіи выводитъ Вадима, новгородскаго гражданина, борца за свободу своихъ гражданъ, русскаго Брута. Приходитъ французская революція, и взгляды мѣняются. Въ поэмѣ Хераскова, посвященной Павлу I, Вадимъ — «юноша предерзкій, злобный, свирѣпствомъ льву подобный», честолюбивый бунтарь и ярый республиканецъ. «Дней Александровыхъ счастливое начало» будитъ вновь неясныя, неопредѣленныя мечты о свободѣ, и Вадимъ Муравьева и Жуковскаго является сентиментально-романтическимъ ревнителемъ національной свободы. Для Рылѣева и лицъ, раздѣлявшихъ его взгляды, Вадимъ являлся опять желаннымъ героемъ, русскимъ Брутомъ. Этотъ типъ удовлетворялъ и ихъ стремленіямъ къ самобытности и къ чувству, требовавшему героя. Вадимъ сталъ своего рода паролемъ для радикаловъ Александровской эпохи, подобно тому, какъ Псковъ и Новгородъ были синонимами древне-славянской свободы. Темы о Вадимѣ касался Рылѣевъ въ своей «думѣ». Въ его «думѣ» Вадимъ является мощ-

---

873 годомъ: новгородцы возмутились правленіемъ Рюрика и... „того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ, совѣтниковъ его".

нымъ и сильнымъ борцомъ за свободу, крѣпко вѣрящимъ въ успѣхъ своего дѣла [1]).

«Дума» Рылѣева не была извѣстна Пушкину во время его пребыванія въ Кишиневѣ; зато отъ Раевскаго, постоянно проповѣдывавшаго о самобытности, Пушкинъ не мало наслышался о древне-славянской свободѣ Новгорода, Пскова, о Вадимѣ. Принимаясь за обработку темы о Вадимѣ, Пушкинъ не только вспоминалъ разсужденія Раевскаго, но имѣлъ предъ собой и «Пѣвца въ темницѣ». Изъ его плановъ ничего не вышло; до насъ сохранилось, кромѣ программъ, два отрывка: одинъ предназначался для драмы о Вадимѣ, другой—для поэмы. Въ первомъ отрывкѣ мы найдемъ кое-что и о древне-славянской свободѣ, и о народѣ, влачащемъ свое ярмо. Вадимъ распрашиваетъ Рогдая: «Ты видѣлъ Новгородъ, — ты слышалъ гласъ народа:

---

[1]) Въ Вадимѣ Рылѣева нѣтъ и тѣни разочарованія. Г. Замотинъ, изслѣдовавшій исторію преданія о Вадимѣ въ русской литературѣ, несомнѣнно ошибается, зачисляя Вадима Рылѣева и Раевскаго въ толпу разочарованныхъ героевъ Байроновскаго оттѣнка. По мнѣнію г. Замотина, Рылѣевскій Вадимъ, собирающійся на подвигъ борьбы, предчувствуетъ, что она не удастся. Онъ, очевидно, не знаетъ конца „думы“: послѣдняя извѣстная ему строфа: „До какого часъ безславія доведи вражды граждань! (думаетъ Вадимъ) Насылаетъ Скандинавія властелиновъ для славянъ!..“ Въ рукописи „думы“, найденной В. Е. Якушкинымъ („Вѣстникъ Европы“, 1888 г., № 11) есть еще строфа: „Грозенъ князь самовластный! Но наступитъ часъ почной; и настанетъ часъ рѣшительный, часъ для граждань роковой“. Для Раевскаго Вадимъ тоже былъ идеаломъ героя, тоже народомъ. (См. П. П. Замотинъ. Преданіе о Вадимѣ новгородскомъ въ русской литературѣ. Воронежъ, 1901. Срави. замѣтку объ этой книгѣ П. Щ. въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1902, іюнь, стр. 1092—1094.

скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода? — Иль князя чуждаго покорные рабы — рѣшились оправдать гоненіе судьбы?» Рогдай отвѣчаетъ: «Народъ нетерпѣливый, — старинной вольности питомецъ горделивый, досадуя, влачитъ позорный свой яремъ», и т. д. Невольно вспоминается то впечатлѣніе, которое произвелъ на Пушкина отрывокъ изъ стихотворенія Раевскаго, рисующій положеніе народа подъ ярмомъ власти. Въ отрывкѣ изъ поэмы образъ Вадима развитъ подробнѣе и представляетъ уклоненіе отъ типа Вадима — героя-революціонера; тутъ замѣтно вліяніе Вадима въ изображеніи Жуковскаго. Между прочимъ, во снѣ Вадимъ Пушкина видитъ Новгородъ. Поэтъ рисуетъ картину запустѣнія: «Онъ видитъ Новгородъ великій,—знакомый теремъ съ давнихъ поръ; но тынъ оросъ крапивой дикой; обвиты окна повиликой, — въ травѣ заглохъ широкій дворъ» и т. д. Не приходили ли на память Пушкину стихи Раевскаго: «Погибли Новгородъ и Псковъ,—во прахѣ пышныя жилища», и т. д.? Конечно, сближенія отдѣльныхъ стиховъ не могутъ дать прочныхъ выводовъ: они всегда случайны и они должны быть приводимы подъ знакомъ вопроса.

Мы исчерпали всѣ данныя объ отношеніяхъ Раевскаго и Пушкина; намъ кажется, что въ біографіи Пушкина Раевскій долженъ быть помянутъ, какъ человѣкъ, дружба котораго была полезна Пушкину и оказала вліяніе на развитіе его міросозерцанія. Мы не должны забывать и попытокъ Раевскаго побудить Пушкина ввести русское содержаніе въ поэзію,—но въ этой области Пушкинъ былъ мастеромъ, понимавшимъ самобытное въ литературѣ безконечно глубже и проникновеннѣе Раевскаго.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стихахъ самого Раевскаго. Какъ поэтъ, Раевскій совершенно неизвѣстенъ, и мы впервые касаемся его поэтической дѣятельности. До насъ дошло немного его стихотвореній, и всѣ дошедшія написаны имъ или въ тюрьмѣ, или въ ссылкѣ, въ Сибири. Правда, стихотворенія Раевскаго не появлялись въ печати въ моментъ ихъ созданія, и никакого вліянія на развитіе русской поэзіи не могли оказать, но въ исторіи русской поэзіи имя В. Ѳ. Раевскаго должно быть упомянуто, потому что его стихи — историческій памятникъ гражданскаго направленія поэзіи, которое было выдвинуто и нашло дѣятельныхъ представителей среди декабристовъ. Раевскій долженъ быть поставленъ рядомъ съ А. И. Одоевскимъ, другимъ поэтомъ изъ декабристовъ, тоже не оказавшимъ никакого вліянія на современную ему литературу.

Изъ многочисленныхъ отрывковъ изъ произведеній Раевскаго, выше приведенныхъ нами, читатель можетъ составить извѣстное представленіе о характерѣ его дарованія. Его стихи не блещутъ отдѣлкой, красотой формы, но они производятъ сильное впечатлѣніе выразительностью и энергіей стиля. Припомнимъ, какъ восторгался Пушкинъ строфами «Пѣвца въ темницѣ». Неотъемлемое достоинство стиховъ Раевскаго — ихъ простота и безусловная искренность. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ онъ говоритъ о себѣ и своихъ пережиткахъ, или же съ необыкновенной силой исповѣдуетъ свои политическія убѣжденія. Взгляды Раевскаго на сущность и значеніе поэзіи намъ уже извѣстны. Онъ совѣтовалъ Пушкину обратиться къ соціальнымъ темамъ:

„Любовь ли тѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой!"

Мы видѣли—Раевскій, раздѣляя взгляды своихъ современниковъ, стремился вложить національное содержаніе въ поэзію. Вмѣстѣ съ этимъ, искусству онъ ставитъ задачу непосредственнаго служенія жизни, служенія опредѣленному направленію. Объ эти черты сближаютъ Раевскаго съ Рылѣевымъ и позволяютъ зачислить его въ ряды первыхъ по времени представителей того направленія, которое распространилось въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ.

IV.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій, арестованный 6 февраля 1822 года и заключенный въ тираспольскую крѣпость, пробылъ въ заключеніи, въ различныхъ крѣпостяхъ, почти 6 лѣтъ (5 лѣтъ и $8^1/_2$ мѣс.). Онъ вспоминалъ объ этомъ времени:

„Прошли темничной жизни годы, —
И эти каменные своды,
Во тьмѣ двѣ тысячи ночей—
Легли свинцомъ въ груди моей" [1].

За это время надъ маіоромъ Раевскимъ произвели четыре военно-судныхъ дѣла, въ четырехъ различныхъ комиссіяхъ. Прямыхъ уликъ по его дѣлу не было, а онъ самъ ничего не сообщалъ и отвѣчалъ судьямъ на ихъ вопросы крайне рѣзко, особенно въ первой инстанціи, въ комиссіи при 6-мъ корпусѣ, гдѣ дознаніе про-

[1]) „Русская Старина", 1890, т. 66, стр. 373.

изводили корпусный командиръ Сабанѣевъ и начальникъ штаба Вахтенъ люди, настроенные враждебно противъ Раевскаго. Продолжительность дознанія и переходъ дѣла изъ одной комиссіи въ другую объясняются, очевидно, тѣмъ, что, пока Раевскій сидѣлъ, правительство обогащалось все новыми данными о тайныхъ обществахъ, и дѣло Раевскаго хотѣли связать съ новыми, возникающими дѣлами. Когда начался процессъ декабристовъ, маіоръ Раевскій былъ привлеченъ къ суду комитета противъ государственныхъ преступниковъ и переведенъ изъ тираспольской крѣпости въ петропавловскую. Когда закончилось разслѣдованіе этого комитета, дѣло Раевскаго было передано въ Высочайше учрежденную въ Царствѣ Польскомъ комиссію, подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. Всѣ эти разысканія увѣнчались разборомъ дѣла при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова и подъ наблюденіемъ великаго князя Михаила Павловича. О производствѣ дѣла мы знаемъ слѣдующее.

Въ стихотвореніяхъ Раевскаго можно найти данныя о первомъ разслѣдованіи дѣла при 6-мъ корпусѣ. Въ посланіи къ друзьямъ въ Кишиневъ изъ петропавловской крѣпости, отъ 28 марта 1822 года, Раевскій такъ очерчиваетъ свое поведеніе во время слѣдствія:

„Скажите отъ меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ!
Нигдѣ себѣ не измѣнилъ,
И въ дни убійственные жизни
Немраченъ былъ, какъ день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнулъ право укоризны“ [1]).

Дѣло осложнялось личнымъ раздраженіемъ судей

[1]) Ibidem, стр. 368.

противъ Раевскаго и рѣзкостью его отвѣтовъ. Въ стихахъ Раевскаго разсѣяны намеки, для насъ не совсѣмъ ясные, по которымъ все-таки можно составить нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ допросовъ и о характерѣ судебнаго слѣдствія. Вотъ одинъ отрывокъ, отъ 28 марта 1822 г., напечатанный въ «Русской Старинѣ» съ сокращеніями:

„Наемной лжи передъ судомъ
Я слышалъ голосъ двуязычной,
И презрѣлъ видъ ея двуличной!
Съ какимъ-то рабскимъ торжествомъ,
Въ порокахъ рабскихъ закоснѣлый,
Предатель рабскимъ языкомъ
Дерзнулъ — вопросъ мнѣ сдѣлать смѣлый;
Но я замолкъ передъ судомъ!
. . . . . .
И этотъ тайный трибуналъ
Искалъ не правды обнаженной,
Онъ двухъ свидѣтелей искалъ
Въ толпѣ... презрѣнной.
. . . . . .
Но я сослался на законъ,
Какъ на гранитъ народныхъ зданій“ [1]).

Не разъ упоминаетъ Раевскій о враждѣ и клеветѣ, опутывавшей его своими сѣтями (1821 г.):

„Вражда со клеветою
Въ судѣ шипѣли предо мною,
И тщетно я взывалъ права“ [2]).

Любопытенъ еще одинъ отрывокъ изъ посланія къ дочери, писаннаго въ 1846 году, но мы не можемъ рѣшить, къ какой инстанціи изъ четырехъ, разбиравшихъ дѣло Раевскаго, относятся воспоминанія Раевскаго:

„О, помню я моихъ судей,
Ихъ смѣхъ торжественный, ихъ лица,
Мрачнѣе стѣнъ моей темницы,

[1]) Ibidem, стр. 366, 367.
[2]) Ibidem, стр. 372.

И ихъ предательскій вопросъ:
„Ты людямъ славы зовъ мятежный,
Твой ранній блескъ, твои надежды
И жизнь цвѣтущую принесъ,—
Что жъ люди?“ [1]).

Можно думать, будто Раевскій открылъ судьямъ идеалистическія настроенія своей души, разсказалъ о томъ, какъ онъ думалъ служить людямъ, исповѣдалъ свои убѣжденія, и съ такимъ предположеніемъ совпадаютъ заключенія послѣдней инстанціи: «хотя маіоръ Раевскій и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки столь важны, что, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни» [2]).

Когда дѣло Раевскаго было еще въ первой инстанціи, и онъ сидѣлъ въ петропавловской крѣпости,—съ его братомъ, отставнымъ корнетомъ Григоріемъ Ѳедосѣевичемъ, случилась исторія, безпримѣрно печальная. Она имѣетъ отношеніе къ дѣлу Раевскаго, да, кромѣ того, и по своему глубокому драматизму, заслуживаетъ быть разсказанной. Дѣло Раевскаго производилось тайно, секретно, родные не могли узнать, за что онъ преданъ суду; кажется, они и не хотѣли знать или боялись предпринимать поиски. Младшій братъ, молодой, семнадцатилѣтній корнетъ въ отставкѣ, Григорій, неотступно умолялъ своего отца разрѣшить ему поѣхать въ Одессу или Тирасполь и тамъ разузнать о причинахъ заключенія Владиміра Ѳедосѣевича Раевскаго. Отказъ отца только усилилъ желаніе молодого человѣка, и онъ рѣшился поѣхать безъ разрѣшенія; между бумагами онъ

[1]) „Русская Старина“. 1890, т. 66, стр. 377.
[2]) Ibid., 1873, т. 7, стр. 373.

отыскалъ нѣсколько старыхъ, негодныхъ подорожныхъ братьевъ и, выбравъ лучшую изъ нихъ, подскоблилъ годъ и отправился, въ концѣ 1823 или 1824 года, въ Одессу, сказавъ отцу, что ѣдетъ въ Курскъ. Пріѣхавъ въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ проговорился; а такъ какъ дѣло маіора Раевскаго считалось очень важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевскаго сейчасъ же донесли Ланжерону, бывшему генералъ-губернатору. Ланжеронъ донесъ по начальству. Корнета Раевскаго взяли и увезли въ шлиссельбургскую крѣпость. Его тоже заподозрили въ преступной дѣятельности и привлекли къ дѣлу. Въ шлиссельбургской крѣпости молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Зная объ арестѣ брата, Владиміръ Ѳедосѣевичъ, уже изъ петропавловской крѣпости, писалъ о братѣ, объяснялъ причины его поступка: любовь къ своему брату, желаніе видѣться съ нимъ и разспросить его, успокоить его и себя,—и просилъ его освободить. Быть можетъ, въ отвѣтъ на эту просьбу—Григорія Раевскаго перевезли изъ шлиссельбургской крѣпости въ крѣпость Замостье въ то время, какъ уже тамъ находился Владиміръ Ѳедосѣевичъ, и посадили въ камеру на одномъ корридорѣ. Видѣться съ нимъ онъ не могъ, ни тайно, ни явно, но велики были его горе и ужасъ, когда онъ какимъ-то образомъ узналъ, что рядомъ съ нимъ сидитъ его братъ, и что этотъ братъ сошелъ съ ума. Но дѣло Григорія Раевскаго все продолжалось и окончилось только въ 1827 году, одновременно съ окончаніемъ дѣла брата. Комиссія, разбиравшая дѣло, «почитая, что корнетъ Григорій Раевскій продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи достаточно наказанъ уже за фальшивый поступокъ, на который рѣшился онъ не по особеннымъ какимъ либо видамъ, но по незрѣлости лѣтъ и развра-

шенному поведенію; притомъ же поступокъ сей учиненъ имъ до состоянія еще всемилостивѣйшаго манифеста, 22 августа 1826 года,—полагала, освободя упомянутаго корнета Григорія Раевскаго изъ-подъ ареста, доставить въ имѣніе отца, гдѣ и быть ему подъ присмотромъ родственниковъ». Великій князь Михаилъ Павловичъ согласился съ заключеніемъ комиссіи, и оно было Высочайше конфирмовано 15 октября 1827 года [1].

Возвращаемся снова къ Владиміру Ѳедосѣевичу. Не знаемъ, какихъ результатовъ добилась разыскная комиссія при 6-мъ корпусѣ и какой матеріалъ для обвиненія она собрала. Изъ этой комиссіи дѣло Раевскаго было передано въ Высочайше учрежденную 17 декабря 1825 года комиссію для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. Эта комиссія нашла Раевскаго непричастнымъ къ тайному обществу, дѣйствіемъ котораго было 14-ое декабря. Поводомъ къ такому заключенію, повидимому, были хронологическія сопоставленія: Раевскій былъ арестованъ въ 1822 году, а образованіе новаго отдѣла общества или переформированіе стараго «Союза благоденствія», распущеннаго въ 1821 году, не было точно датировано. Вообще, свѣдѣнія комитета не отличались опредѣленностью и точностью. Но разслѣдованіе этой комиссіи не было эпилогомъ дѣла; оно было передано для новаго разсмотрѣнія въ Высочайше учрежденную въ Царствѣ Польскомъ при крѣпости Замостье комиссію подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова. Эта комиссія подтвердила заключеніе второй инстанціи о непринадлежности маіора къ обществу

---

[1]) Исторія Григорія Раевскаго разсказана Влад. Ѳед. Раевскимъ въ его замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 г.; здѣсь же данныя и о судѣ надъ Раевскимъ. См. „Русская Старина“ 1873 года, т. VI (мартъ), стр. 376—379.

и сочла возможнымъ вынести слѣдующій приговоръ: «освободить маіора Раевскаго изъ заключенія, съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія за службу; а ежели затѣмъ остаются какія либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства». Этотъ приговоръ былъ конфирмованъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Заключенія комиссіи генерала Дурасова перешли на разсмотрѣніе комиссіи при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова и подъ наблюденіемъ командующаго гвардейскимъ корпусомъ великаго князя Михаила Павловича. Тутъ дѣло Раевскаго приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ. Великій князь, разсмотрѣвъ заключенія комиссіи, не удовлетворился ея приговоромъ. Онъ нашелъ, что «маіоръ Раевскій, хотя, по удостовѣренію комиссіи, и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее изслѣдованіе объ немъ по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ собственное его поведеніе, образъ мыслей и поступки, изъясненные въ рапортѣ комиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни, и потому насчетъ его, находя приговоръ комиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевскаго, лишя чиновъ, заслуженныхъ имъ,—ордена св. Анны 4-го класса, золотой шпаги съ надписью «за храбрость», медали въ память 1812 года и дворянскаго достоинства, — удалить, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, въ Сибирь на поселеніе».

Въ своихъ замѣткахъ, писанныхъ въ Сибири въ 1844 году и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» (1872, мартъ, стр. 376—379), Раевскій дѣлаетъ слѣ-

дующее примѣчаніе къ этимъ строкамъ оффиціальной бумаги: «*Собственное же поведеніе* и поступки, а въ особенности *образъ мыслей* (кто ихъ проникъ?) столь *важны*, что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ комиссія и всѣ суды не могли огласить. Въ чемъ же состояла *важность* его поступковъ и думъ? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя *одинъ* поступокъ и *одну* или *двѣ* мысли?»

На всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба, графа Дибича, въ которомъ было изложено вышеприведенное мнѣніе великаго князя Михаила Павловича, была положена, 15-го октября 1827 года, слѣдующая Высочайшая резолюція: «Быть по мнѣнію его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ. Николай».

Черезъ мѣсяцъ Раевскаго уже отправили на почтовыхъ въ Сибирь на поселеніе. «Послѣ шестплѣтняго крѣпостного заключенія,—вспоминалъ онъ черезъ сорокъ лѣтъ,—я, наконецъ, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, видѣлъ людей, могъ говорить съ ними; мнѣ дозволяли обѣдать на постоялыхъ дворахъ, ночевать не въ тюрьмахъ, не подъ замкомъ; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторомъ тѣхъ губерній, черезъ которыя я проѣзжалъ, обходились со мною не только вѣжливо, но съ непритворнымъ уваженіемъ. Я потерялъ чины, ордена, меня лишили наслѣдственнаго имѣнія, но умственныя мои силы, физическая крѣпость, мое имя—остались при мнѣ».

Сибирь стала второй родиной Раевскому. Только въ 1856 г. ему было разрѣшено вернуться въ Россію, но онъ уѣзжалъ только на время и затѣмъ снова вернулся въ Сибирь. Выброшенный за бортъ, цѣной неимовѣрныхъ усилій, человѣкъ сильной воли и могучей энергіи, Раевскій, безъ всякой посторонней поддержки, сумѣлъ устроить свое матеріальное благополучіе, обзавелся

семьей и поставилъ на ноги дѣтей. Изъ ссылки онъ обращался за помощью къ роднымъ и писалъ сестрамъ, но «сестры,—пишетъ Раевскій,—какъ бы судомъ семейнымъ осудили меня на нищету. Александра Ѳедосѣевна отвѣчала очень уклончиво, вовсе не удовлетворительно. Я понялъ, что ссылка моя отдѣлила сестеръ моихъ рѣзко отъ меня, предоставила имъ право не признавать меня своимъ роднымъ братомъ... Я прекратилъ переписку; восемь лѣтъ я не писалъ никому изъ васъ» [1]). Когда у Раевскаго подросли дѣти и нужно было заботиться объ ихъ судьбѣ, Раевскій возобновилъ сношенія, но они, очевидно, не налаживались. Одна изъ сестеръ, Вѣра, взяла на воспитаніе сына Раевскаго. Сестры Раевскаго, воспользовавшись оффиціальнымъ предлогомъ, не только отказали ему въ долѣ наслѣдства послѣ отца, но даже совсѣмъ отказались помогать ему. О дѣйствіяхъ сестеръ Раевскаго было въ свое время сообщено въ одномъ заграничномъ журналѣ «Будущность», но мы не имѣли его подъ рукой и не можемъ сообщить подробностей. Въ 1868 году Раевскій писалъ о своихъ сестрахъ: «Веригина имѣетъ деньги на поѣздку въ Парижъ и отказываетъ мнѣ въ такой незначительной помощи. О Бердяевой мнѣ и говорить больно: она, послѣ 40-лѣтней разлуки, не хотѣла видѣться со мной. Я-ль виноватъ, что въ «Будущности» огласили ихъ поступокъ со мною? Неужели онѣ думаютъ, что это тайна? Не одинъ разъ мнѣ предлагали подать прошеніе прямо на имя государя, такъ какъ это—дѣло совѣсти, не юрисдикціи. Начинать дѣло, безславить имя моего отца, при моихъ правилахъ—очень тяжело» [2]).

Когда въ 1828 году Раевскій прибылъ въ Сибирь,

---

[1]) „Русская Старина“, 1902, мартъ, 602.

[2]) Ibid., 605.

онъ былъ водворенъ на жительство въ с. Олонкахъ, недалеко отъ Иркутска. Нужно было самому зарабатывать свой хлѣбъ, нужно было кормить свою семью [1]), и Раевскій ушелъ въ практическую дѣятельность; трудно представить себѣ, какъ могъ пристроиться къ практикѣ жизни бывшій офицеръ, богатый человѣкъ, не пріученный къ труду, заговорщикъ, котораго до сихъ поръ оживлялъ «страстей высокихъ пламень». Но въ ссылкѣ Раевскій дѣйствительно развернулъ всю свою энергію и силу воли. Чтобы добыть средства къ существованію, онъ бралъ подряды на поставку вина, сѣялъ хлѣбъ и занимался его продажей; когда эти дѣла пошли плохо, онъ взялъ на себя наемъ рабочихъ на бирюсинскіе золотые промыслы. Въ своемъ письмѣ къ сестрѣ Вѣрѣ Осдосѣевнѣ, отъ 21-го мая 1868 года, онъ разсказываетъ подробно исторію своей практической дѣятельности. Читая ее, удивляешься его способности къ при-

[1]) Семьей Раевскій обзавелся довольно скоро. Онъ женился на крещеной бурятки. Исторія отношеній къ той, которая стала его невѣстой, изложена въ его стихотвореніи, отъ 1-го августа 1829 года. Она полюбила его первая, но „грудь моя была какъ камень“... „Безпечная, зачѣмъ ты встрѣтилась со мной?—Зачѣмъ ты странника узнала?—Вся жизнь его загадка для тебя,—ты съ тайнъ его не снимешь покрывала,—не встрѣтишь съ нимъ ты радостнаго дня,—ты къ сердцу не прижмешь дрожащею рукою—вѣнчальнаго кольца“... Но суровость пѣвца растаяла, его сердце размягчилось. Конецъ стихотворенія: „Она сказала мнѣ отрадное „живи!“—и раны сердца залечила!—Унялъ съ души моей свинецъ!—ты мнѣ дала ключи земного рая—возьми кольцо, надѣнь вѣнецъ,—пойдемъ впередъ, спутница младая!“... У Раевскаго была довольно большая семья; изъ сыновей его старшій, Михаилъ—впослѣдствіи казачій полковникъ, извѣстный своимъ удальствомъ и беззавѣтной храбростью—имѣлъ шашку „за храбрость“ при усмиреніи польскаго мятежа“ („Русская Старина“, ibid., 604).

способленію и необыкновенной выносливости. Приведемъ цѣликомъ соотвѣтствующее мѣсто письма:

«По водворенiи моемъ въ с. Олонкахъ, въ 1828 году, первоначально, по просьбѣ крестьянъ, я взялъ небольшой подрядъ на перевозку вина изъ винокуреннаго завода, по одобрительному свидѣтельству или поручительству крестьянъ. Черезъ полтора года, новый откупщикъ безъ одобрительнаго свидѣтельства ввѣрилъ мнѣ всю перевозку, съ жалованьемъ 3.000 руб. (ассигн.) въ годъ. Восемь лѣтъ постоянно я занимался пріемкою вина и доставкою его во всѣ мѣста иркутской губерніи, забайкальской и якутской областей. Кромѣ 3.000 р. жалованья, я получалъ до двухъ тысячъ награжденія. Купилъ мельницу, домъ въ г. Иркутскѣ, отстроился въ Олонкахъ, купилъ 30 десятинъ пашни. Когда откупъ Пономарева кончился, а я сильно заболѣлъ затвердѣніемъ печени, я оставилъ должность или званіе довѣреннаго по откупу и занялся хлѣбопашествомъ и торговлею хлѣбомъ [1]). Торговля эта давала отъ 4—5 тысячъ дохода. Девять лѣтъ я занимался покупкою и продажею хлѣба, но, съ пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора Муравьева, вмѣсто покупки хлѣба въ казну, начался безбожный, насильственный налогъ. Крестьянамъ выдавались произвольно цѣны на хлѣбъ, не окупавшія труда. Я долженъ былъ бросить и хлѣбопашество, и торговлю хлѣбомъ. Нечего было дѣлать. Я взялъ на себя наемъ рабочихъ людей на бирюсинскіе золотые

[1]) По разсказу С. В. Максимова, Раевскій занимался также разведеніемъ арбузовъ. „Въ Олонкахъ, подъ Иркутскомъ, на особыхъ грядахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ“. См. С. Максимовъ, „Сибирь и каторга“. Часть III. Спб. 1871, стр. 263.

промыслы, до 2.000 человѣкъ, и получалъ до 3.000 р. сер. въ годъ. Но я долженъ былъ съ ноября мѣсяца по мартъ ѣздить по округамъ и деревнямъ, заключать контракты, выдавать билеты и въ это время, проѣзжая нѣсколько тысячъ верстъ, останавливаться на квартирахъ въ деревняхъ, расчитывать каждаго особо и лично, а въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣхать на промыслы, тайгою, для расчета съ управляющими: 250 верстъ верхомъ и обратно, а всего 500 верстъ. Новый откупщикъ предложилъ мнѣ взять на себя пріемку вина и поставку этого вина, отъ 700 до 800 тысячъ ведеръ, во всѣ города и дистанціи Восточной Сибири. Я согласился, и при двухъ откупщикахъ занимался этимъ дѣломъ по довѣренности, какъ довѣренный, 12 лѣтъ, получая до 2.500 руб. сер. Мельница безъ собственнаго присмотра не обезпечивала домашняго содержанія въ Олонкахъ. По окончаніи откупа, у меня осталось за всѣми расчетами до пяти тысячъ рублей серебромъ. Я взялъ подрядъ на поставку вина въ города Иркутскъ и Нижнеудинскъ, 164 тысячъ ведеръ, и, между прочимъ, склады вина и нѣсколько питейныхъ домовъ» [1]).

Но съ 1863 года житейское благополучіе, на созданіе котораго было затрачено столько трудовъ, начинаетъ колебаться. Раевскаго преслѣдуютъ жестокія испытанія и несчастья, иногда просто неожиданныя. Казна какимъ-то путемъ сочла возможнымъ удержать залогъ въ 3.000 руб.; въ одну изъ поѣздокъ Раевскій подвергся нападенію разбойниковъ, которые сильно поранили его; сынъ его, въ самую нужную для отца минуту, проигралъ 1.200 руб.; по неосторожности, Раевскій попалъ въ огонь: у него обгорѣла половина тѣла и онъ лежалъ безъ движенія. Матеріальное благополучіе

[1]) „Русская Старина“, 1902, мартъ, 603, 604.

рушилось мало-по-малу; Раевскій сталъ входить въ долги. Письмо, единственное, дошедшее до насъ, изъ котораго мы выше почерпали біографическія данныя, было написано въ 1868 году, съ цѣлью побудить сестеръ помочь ему деньгами. Несчастья сломили гордую волю человѣка: желая получить деньги, онъ разсказываетъ въ письмѣ всю свою жизнь, и въ заключеніе пишетъ: «чѣмъ скорѣе я получу деньги, тѣмъ болѣе я буду благодаренъ. Если домъ мой опишутъ, для меня достаточно мѣста будетъ на кладбищѣ... Но больная жена, но Соничка... Я и то съ нѣкотораго времени ложусь спать и просыпаюсь, какъ осужденный. Ты бы не узнала своего брата—онъ постарѣлъ» [1])... Не знаемъ, была ли исполнена просьба; этимъ письмомъ обрываются наши свѣдѣнія о жизни Раевскаго.

Въ 1868 г. ему исполнилось 73 года; четыре года спустя, въ 1872 г., онъ скончался.

Къ этимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ письма, намъ уже почти нечего прибавить о жизни Раевскаго. Можно еще сказать, что обвиненія, вызвавшія его ссылку, продолжали тяготѣть надъ нимъ въ теченіе всей его ссылки. Многимъ изъ декабристовъ были даны различныя льготы и сдѣланы смягченія ихъ участи; Раевскій не испыталъ милости. Только при вступленіи на престолъ императора Александра II онъ получилъ прощеніе, но чинъ ему не былъ возвращенъ. Раевскій не разъ пытался вступить въ службу по гражданской части: его энергія обращала на себя вниманіе генералъ-губернаторовъ, и четверо изъ нихъ, по разсказу Раевскаго, входили о немъ съ представленіемъ къ государю—но получали отказъ. «Что же было причиной такой немилости? Государь (Николай Павловичъ) считалъ меня виновнѣе

[1]) Ibid., 605, 606.

другихъ, но доказательствъ не было» [1]). Н. А. Бѣлоголовый, воспитанникъ декабристовъ, знавшій ихъ жизнь, сохранилъ память и о Раевскомъ. Вотъ строки изъ его «Воспоминаній», относящіяся къ Владиміру Ѳедосѣевичу и дающія нѣсколько чертъ изъ исторіи его сибирской жизни и характеристики: «На камчатникѣ къ Волконскимъ нѣсколько разъ въ лѣто пріѣзжала семья Трубецкихъ, зачастую привозя съ собой двухъ барышень Раевскихъ. Раевскій тоже былъ политическій сосланный, прожившій также десятки лѣтъ въ Сибири, и хотя былъ сосланъ одновременно съ ними, но не считался принадлежащимъ къ ихъ кругу и, кажется, на каторгѣ съ ними не былъ. О немъ и о его семьѣ я мало могу сказать: жилъ онъ въ селѣ Олонкахъ, въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, и имѣлъ, кромѣ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей; дочерей онъ оставилъ при себѣ, а сыновей отправилъ для воспитанія въ Россію. Самъ Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій держалъ себя какъ-то особнякомъ и, должно быть, рѣдко выѣзжалъ изъ Олонокъ, потому что мнѣ ни разу не пришлось его видѣть ни у декабристовъ, ни въ городѣ; репутацію онъ имѣлъ человѣка весьма умнаго, образованнаго и остраго, но озлобленнаго и ядовитаго» [2]).

---

[1]) Ibid., 603. Въ виду этихъ данныхъ о дѣятельности Раевскаго, представляется невѣрнымъ сообщеніе Е. И. о томъ, будто В. Ѳ. Раевскій игралъ значительную роль при главномъ управленіи Сибирью. Въ этой же замѣткѣ Е. И. о Раевскомъ сказано, что онъ былъ человѣкъ умный и энергичный, но не внушавшій къ себѣ симпатіи. Приводимое нами въ текстѣ свидѣтельство доктора Бѣлоголоваго исправляетъ это заключеніе. Замѣтка Е. И.—въ „Русской Старинѣ", 1873, т. VII (май), стр. 720.

[2]) Бѣлоголовый, д-ръ, „Воспоминанія" и другія статьи. М. 1897, стр. 57.

Такимъ образомъ, мощнымъ ударомъ судьбы была разбита жизнь, съ юныхъ лѣтъ отданная подвигу дѣятельной любви:

„И громъ ударилъ въ тишинѣ...
Какъ будто бы въ ужасномъ снѣ,
На брегѣ дикомъ и безплодномъ,
Почти безлюдномъ и холодномъ,
Борьбой измученный пѣвецъ
Себя увидѣлъ, какъ пришлецъ
Другого міра“... [1])

Въ «другомъ мірѣ» всю жизнь заполнила тяжелая борьба за существованіе... Но неужели и внутренняя жизнь была поглощена этой борьбой? Неужели исчезъ безъ возврата «высокихъ думъ, страстей завѣтный пламень», и были изгнаны изъ памяти всѣ надежды юной жизни?

„Текутъ впередъ изгнанья годы,
Все тѣ же солнце и луна,
Такая жъ осень и весна,
Все тотъ же гулъ отъ непогоды“... [2])

Какъ же теперь относился Раевскій къ книгѣ своей жизни, къ тѣмъ ея страницамъ, на которыхъ записана ея трагедія, къ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя одушевляли его въ покинутомъ имъ мірѣ? Отвѣты на эти вопросы даютъ стихотворенія, писанныя имъ въ Сибири:

„Я вопрошалъ у совѣсти моей
Мою вину... она молчала,
И свѣтлая заря въ душѣ моей сіяла!..“

Но вѣдь онъ видѣлъ, что «цѣли онъ желанной не достигъ» [3]); онъ зналъ, что осталось непонятымъ то, во имя чего онъ боролся; онъ не находилъ у людей

[1]) „Русская Старина“, 1890, т. 66, стр. 377.
[2]) Ibid, стр. 374.
[3]) Ibid, стр. 379.

признанія ни своимъ трудамъ, ни своимъ мечтамъ. Много нужно было силы душевной и религіознаго идеализма, чтобы не отчаяться въ дѣлѣ всей жизни...

„И что жъ отъ пламенныхъ страстей,
Надеждъ, возвышенныхъ желаній,
Мольбы и набожныхъ мечтаній
Въ душѣ измученной твоей
Осталось?
Вѣра въ Провидѣнье,
Познанье вѣрное людей,
Жизнь безъ желаній, безъ страстей,
Въ болѣзняхъ сила и терпѣнье,
Все та же воля, какъ законъ,
Давно прошедшаго забвенье
И надъ могилой сладкій сонъ!“ [1]).

Идеалистическія вѣрованія спасали отъ душевной гибели и Раевскаго, и другихъ декабристовъ. Отношеніе къ нимъ, выказанное современниками, отсутствіе сочувствія, могли огорчать, но не убивали ихъ. За подвигъ свой, по оригинальному выраженію Раевскаго, онъ ждалъ только улыбки людей!

„Съ набожной мечтою
И съ чистой вѣрой—не искалъ
Я власти, силы надъ толпою.
Не удивленья, не похвалъ
Отъ черни я безсильно ждалъ;
Я не былъ увлеченъ мечтою;
Что скажутъ люди, я не зналъ“ [2]).

Раевскій не сѣтовалъ на людей за ихъ незаслуженное отношеніе къ нему, и въ своемъ посланьѣ онъ даетъ дочери слѣдующій завѣтъ:

„Люби людей, дай руку имъ въ пути!
Они слѣпцы, но, другъ мой, наше дѣло

---

[1]) Ibid., стр. 378.
[2]) Ibid., стр. 377

Жалѣть о нихъ и ношу ихъ нести.
Нѣтъ, не карай судомъ и приговоромъ
Ошибки ихъ. Ты знаешь, кто виной,
Кто ихъ сковалъ желѣзною рукой
И заклеймилъ и рабствомъ, и позоромъ" [1]).

Сила религіознаго чувства поддерживала идеализмъ въ сердцахъ осужденныхъ и помогала имъ переживать всѣ невзгоды жизни, а у Раевскаго было еще одно утѣшеніе. У него была почти мистическая вѣра въ то, что его дѣти посвятятъ свою жизнь служенію высокимъ думамъ и страстямъ, и ихъ жизнь станетъ непосредственнымъ продолженіемъ жизни отца:

„Богъ видѣлъ все... Онъ трудъ мой освятилъ...
Онъ мнѣ дѣтей, какъ даръ святой, завѣтный,
Какъ мысль, какъ цѣль, какъ мира вѣтвь—вручилъ!
Итакъ, мой другъ, я волей безотчетной
И мысль, и цѣль тебѣ передаю:
Тотъ знаетъ ихъ, кто знаетъ жизнь мою" [2]).

Въ представленіяхъ Раевскаго между жизнью его дѣтей и его загробною участью существуетъ таинственная связь. Конецъ его посланія къ дочери—этого завѣта ей—грозное и мистическое откровеніе:

„Когда я въ міръ завѣтный отойду,
Когда меня не будетъ больше съ вами,
Не брошу васъ, я къ вамъ еще приду -
И внятными, знакомыми словами,
Къ отчету васъ я строго призову.
Отъ васъ мои иль вѣчныя страданья,
Иль вѣчное блаженство—все отъ васъ!
И трудъ земной пройдетъ, какъ день, какъ часъ,
Для нераздѣльнаго небеснаго свиданья" [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 376.
[2]) Ibid., стр. 379.
[3]) Ibid., стр. 380.

Изъ Книгъ А. Д. Карпѣева.

2007051453